

ПРОЩАЙ, ВИЗАНТИЯ!

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Детектив-триллер

Татьяна Степанова
Прощай, Византия

«ЭКСМО»

Степанова Т. Ю.

Прощай, Византия / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», — (Детектив-триллер)

ISBN 978-5-699-24569-7

Рок преследует многочисленное семейство Абакановых – из нескольких братьев и сестер трое уже убиты. Убиты жестоко и неожиданно. И, похоже, дело этим не кончится. За что такая кара почтенной и с виду благополучной семье? Все они – потомки зловеще легендарного генерала Абаканова, «сталинского сатрапа», отправившего в ГУЛАГ сотни и сотни людей. Неужели это запоздалая месть генералу? Начальник отдела убийств Никита Колосов убежден в этом. А Катю Петровскую, сотрудницу пресс-центра, мучают неясные сомнения. И причина вроде бы пустяковая – древняя византийская монета, обнаруженная на месте одного из преступлений. Кате все время кажется, что в ее тусклом золотом свете внезапно блеснет истина...

ISBN 978-5-699-24569-7

© Степанова Т. Ю.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Степанова

Прощай, Византия!

*Генерал! Я вам должен сказать, что вы
вроде крылатого льва при входе
в некий подъезд. Ибо вас, увы,
не существует вообще в природе.
Нет, не то чтобы вы мертвы
или же биты – вас нет в колоде.*
Иосиф Бродский «Письмо генералу Z»

Глава 1

ЗОЛОТОЙ СОЛИД

Дождь монотонно барабанил по стеклу, словно просился внутрь, в уют. Бездомный бродяга, разбойник. За темным окном радужными сполохами мерцало гигантское плазменное рекламное панно, окрашивая ночь, гранитную набережную, мост, Болотную площадь, кинотеатр «Ударник», казино то в ядовито-зеленый, то в золотушно-желтый, то в пошловато-лиловый, то в красный, как клюква. Плазменные протуберанцы, казалось, достигали противоположного берега реки, изменяя на краткую долю секунды хрестоматийные контуры стен и башен, дворца и храмов – то ревниво затеняя, то, наоборот, четко очерчивая силуэт на фоне ночного московского неба, пропитанного смогом.

Далеко на Спасской башне куранты пробили три часа. Город – огромный, многоликий спал, но кое-где еще бодрствовал, а местами уже и просыпался. По глянцевою от дождя мосту мчались редкие машины. Внизу, на набережной, словно в засаде, скучали тяжелые самосвалы. Они появлялись иногда – на всякий случай – как преграда и рубеж. Как подвижная стена на подступах к твердыне. Гула их моторов никто никогда не слышал – даже в доме напротив, сером доме на набережной, похожем на гранитный утес.

Дом в этот час был темен и тих. Освещены только подъезды да одинокое угловое окно на шестом этаже. Шторы в окне были отодвинуты, и сквозь мокрое стекло можно было смутно разглядеть просторную комнату с высоким потолком, озаренную настольной лампой на письменном столе. Пространство тонуло в сумраке – ясно видно было лишь небрежно сложенную грудку отскерокопированных листов с какими-то таблицами и фотоснимками, ноутбук, плоский ящичек с лакированной крышкой да пустое кожаное кресло.

Рядом с лампой дымилась чашка крепчайшего кофе, в пепельнице лежала недокуренная сигарета.

Вот в сумраке закрипел паркет. И на стол упала тень.

Человек, не спавший в этот глухой поздний час в комнате на шестом этаже, подошел к столу неровной, неуверенной походкой. У него были темные волосы с проседью на висках, крупный нос и решительный подбородок. На широком запястье мерцали швейцарские часы. Вся фигура была крупной, кряжистой, медвежьей и плохо вязалась с антикварным письменным столом карельской березы, новеньким ноутбуком и пачкой мятых распечаток. Человек опустился в кожаное кресло, потянулся к сигарете. Смотрел в окно – в ночь на потрясающую взор, чрезвычайно престижную панораму: а из нашего, из нашего, из нашего окна – площадь Красная видна...

Докулив, он потушил сигарету в старинной бронзовой пепельнице, отодвинул ноутбук и придвинул к себе плоский ящичек с лакированной крышкой. Открыл. В мягком свете лампы

стала видна черная бархатная внутренность ящичка и его драгоценное содержимое: необычного вида темные и светлые, неровные золотые и серебряные кружки – древние монеты.

В этом ящичке – одном из многих – их было двенадцать. Грузный человек, не отрывая от них взора, порылся в столе и извлек еще одну пачку распечаток. Выдернул лист с какой-то таблицей. Затем пинцетом осторожно достал из бархатного гнезда пятую в верхнем ряду золотую монету и поднес ее к глазам. Он не пользовался лупой. Прежде он даже гордился своим зрением. На монете была выбита еле разборчивая надпись по-гречески.

Человек пристально смотрел на монету, затем взгляд его снова как магнит притянуло окно. Он вперился, уперся взглядом в эту ночь, в этот дождь. Огромное рекламное панно пылало огнем, источая ржавый тревожный цвет, похожий на дальнее зарево.

Зарево... Человек закрыл глаза. Эта монета... Золотой византийский солид седьмого века. Возможно, они держали его в руках – там, тогда... Странная вещь – память сердца. Почти такая же странная, как и память ума, память памяти...

Человек медленно разжал пальцы. Монета – золотой византийский солид – упала в бархатные недра своего хранилища. Только она была реальной, настоящей, а все остальное... Но разве не могло быть так, что они там, тогда держали ее – именно ее в своих руках? Им ведь заплатили золотом за убийства. Щедро заплатили за ту резню. И этот золотой солид мог быть той самой полновесной монетой, которой расплатились, когда все было кончено.

Человек за столом закрыл глаза. Память сердца, память ума, память памяти... Так ли это было на самом деле, как он это помнил, как представлял себе? Где-то далеко-далеко, не здесь, а там тоненький детский голос читал нараспев по-гречески. Это были не слова псалтыри, не молитва на сон грядущий. Читалось что-то светское – из Элиана, из его пестрых рассказов, лаконичное, как афоризм, и поучительное для юного ума: про Александра и его походы, про войну с персами, про смену времен года, про жестоко наказанную богами птицу-ласточку и про мышей, которые, по Элиану, щедрее других тварей наделены даром предвидения и поэтому первыми оставляют дом, обреченный погибнуть...

– В высшей степени я одобряю тех, кто уничтожает зло, едва оно появилось и не успело войти в силу, – это было тоже прочитано по-гречески голосом постарше – юношеским, ломким. Прочитано там, тогда.

Грохот солдатских сапог, калиг, подкованных гвоздями, разорвал тишину ночи. Это было так реально! Человек за столом под лампой вздрогнул, как от удара током, распрямился. Что-то происходило с ним – сейчас он был и здесь, и там, и виной этого сумасшествия, этого раздвоения была, конечно же, авария. Да-да, та авария, перечеркнувшая всю его прежнюю жизнь. Но...

Он был здесь и видел из окна своей квартиры, в которой прожил всю жизнь, мокрый от дождя мост, машины, рекламное панно, реку, набережную, Кремль, храм и одновременно – точно вторым внутренним зрением, являвшим красочный слайд, – видел и совсем другое. Другое...

Черные кипарисы на фоне ночного неба – южного, усыпанного звездами, мраморные лестницы, спускающиеся широкими уступами, непроглядную темень дворцового сада с журчащими фонтанами. Купол храма – не этого, а другого великого храма там, на Востоке и... темный древний город, раскинувшийся на холмах по берегам Босфора. Его редкие в этот поздний час огоньки в окнах дымных харчевен, тишину пустынного ипподрома, лай собак, сторожащих сонное оцепенение улиц.

Грохот сапог. Топот солдат. Факелы, тени. Запах горячей смолы резко, нагло смешивается с терпким ароматом восточных благовоний. Кто-то с грохотом опрокидывает дымящуюся курильницу, срывает занавеси. Из мрака возникают красные пьяные лица солдат – что-то жестокое, решительное и дикое во всем их облике. Они нестройной толпой быстро идут по дворцовым залам. На мгновение огонь их факелов вырывает из тьмы дворцового атриума

мраморную статую загадочной, вечно улыбающейся богини судьбы Тюхе. Ее как языческого идола вот уже лет двадцать как хотели убрать из царских покоев, заменив на статую великомученика, да все не решались, потому что предок, сам прославленный император Константин, когда-то молился у ее подножия, поручая ее милости Константинополь.

Видно, что за этой статуей кто-то пытается укрыться, спрятаться от солдат. Маленькая детская фигурка, одетая в синий не по росту хитон. Солдаты вытаскивают прячущегося с хохотом, как зверька из укрытия. Это смуглый кудрявый ребенок – он отчаянно кричит, брыкается. В его черных глазах – животный ужас. Из соседнего зала – дворцовой спальни, той самой, мраморный пол которой украшен редкостной мозаикой, изображающей праздник сбора винограда, – доносится душераздирающий вопль. Так кричат те, которым вспарывают живот, вырывая из живой плоти внутренности. Свирепая молосская собака, вбежавшая следом за солдатами, торопливо, алчно лижет свежую кровь на полу – струйки ее текут, текут, все быстрее, все обильнее.

Человек за столом видел этого пса так отчетливо... Казалось, протяни руку туда – и коснешься его вздыбленной шерсти, оскаленных клыков. Он видел и его хозяина. Это был мальчик – тоже кудрявый и смуглый, лицом чрезвычайно похожий на того маленького, который тщетно прятался за статуей богини Тюхе и которого уже успели здесь, на этом мозаичном полу, растерзать пьяные, озверелые солдаты дворцовой стражи. Мальчик стоял в сторонке, склонив голову набок. Смотрел на солдат, на пса, на черные струйки крови, текущие из спальни. Вот одна подползла слишком близко к его ногам, обутым в изящные сандалии, и он отступил, чтобы не запачкаться. Он с любопытством смотрел туда, где, ругаясь и горлая, толпились его будущие подданные и где страшно, обреченно исходил последними криками боли умирающий человек...

Струйка крови подползла, как юркая змейка, снова, и он снова отступил. Поднял голову – его глаза, казалось, кого-то искали в темноте. И вот словно нашли того, кого искали, увидели, вперились пристально, насмешливо с недобрым вызовом...

Человек за столом, освещенный лампой, закрыл лицо руками. Он не хотел видеть его глаз, его улыбки. Такой детской, такой взрослой, такой страшной. Не существовавшей никогда и нигде, кроме памяти сердца. И такой до боли знакомой.

А за окном по Каменному мосту, несмотря на проливной дождь, ехала, пыхтела, убирала, скоблила мостовую немецкая поливальная машина.

Древние монеты покойно лежали в своих бархатных гнездах. Разбуженные светом лампы, они не спали. Они многое могли порассказать этому новому незнакомому миру. Они собирались многое напомнить ему из того, что было, что когда-то с кем-то случилось на самом деле. И только потом, через века, стало похоже на чей-то ночной кошмар.

Глава 2

НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Когда у вас адски дергает коренной зуб – белый свет не мил. И все в нем, в свете этом белом, кажется не так и не этак.

Инспектор ДПС Игорь Луков повыше поднял воротник теплой форменной куртки. Тоже мне, умники министерские, дизайнеры, форму придумали – подушка с зеленым лягушачьим жилетом. Венчает подушку фуражка. Телу жарко до пота, а уши мерзнут. И щека, пламенеющая болью, на ощупь ледышка-ледышкой. Интересно, а от зубной боли помирают? Если вдруг, скажем, бац – болевой шок? Но хоть на месте коньки откинй, в медсанчасти больничного не дадут. Направят к дантисту. Хочешь, очередь сиди километровую в ведомственной поликлинике, а не хочешь – беги к платному зубодеру. Как раз полполучки у него, садиста, оставишь.

Инспектор Луков находился на очередном суточном дежурстве. Час был ночной, хоть и не глухой, но весьма поздний – 0 часов 17 минут. Местность до тошноты знакомая: сорок первый километр. Развилка Кукушкинского шоссе. Куку-трасса, как звали ее местные.

Луков стоял на обочине шоссе – ноги широко расставлены, правая рука заботливо согревает ноющую щеку, левая держит полосатый милицейский жезл. Только вот махать, подавать повелительные сигналы этим самым жезлом – палкой-погонялкой – некому. Пусто Кукушкинское шоссе. Ночь кругом, тишина. Тут летом Бродвей, Ривьера – московские табунами на Кукушкино озеро едут. На том берегу – кемпинг, крутой кантри-клуб и коттеджный поселок Отрадное. А осенью в ноябре, да еще в такую поганую погоду – ни души, ни зги.

Луков плотнее надвинул тесную фуражку на лоб. Ну почему так? Отчего все его ночные дежурства всегда форсмажор? Либо снег валит, либо льет как из ведра. А то еще каток – гололед, день жестянщика. И кто там в отделении такие паскудные графики составляет? Вот сегодня, например, 10 ноября – святая дата. Ребята-сослуживцы деньжат наскребли, накопили, вечером в какой-нибудь бар закатятся пиво пить, на бильярде гонять. А ты тут, как бобик проклятый, – стой, бди. А кого бди? Кто тут по Кукушкинскому из местных не пустой поедет? Местные ушлые пацаны. Секут на лету: Куку-трасса ровная, гладкая, только вот на самом интересном месте у нее стационарный пост ДПС, и там тачки шерстят, проверяют под гребенку. Так что, если ты едешь не пустой – со стволом там или с герычем, глупый ты, что ли, на шмон нарываться на стопроцентный? Поедешь в объезд – для непустого пацана семь верст не крюк.

И аварий тут мало бывает. Ну, если только кто летом из приезжих шары нальет и почудится ему, что в руках у него не родная баранка, а штурвал от «сушки». Но такие долго не живут, такие сразу в кювет улетают, головой в лобовуху. И на таком ДТП ни «Скорой» особо делать нечего, ни страховщикам. Вызывай кран, МЧС и похоронную команду. Вот слух идет, эстакаду в Шелепине будут возводить, тогда, может, и оживет Куку-трасса... А то как-то даже совестно, вроде и не под Москвой совсем. В Москве и области дороги забиты, тыркнуться некуда – бампер к бамперу машины жмутся, как моржи на лежбище. А тут такая тишь, пустота. Скукотища!

Зуб дернуло так, что Луков стиснул челюсти. Вот зараза! И в такой-то день, зараза. В профессиональный праздник. Еще флюс, пожалуй, раздует. И будешь урод-уродом, компрачикосом из книжки Гюго. Он вздохнул. Хоть бы полегчало, так ведь хотелось завтра в свой кровный выходной к Маришке зайти. Интересно, папаня ее завтра будет? Братан-то точно с друзьями на весь вечер улимонит, а вот папаня – сыч... И так уж намекал не раз: мол, чего к девке ходишь? Когда, мол, того... что-то конкретное у вас наметится? А чего конкретное? Ну, заберет он Маришку к себе. Ну заживут. Родит она одного, второго. И будут они жить семьей

мала мала на двенадцати квадратных метрах. Своих-то ведь, родню, никуда не денешь – мать, брата, сестру.

Скорей бы уж сестра Люська замуж выходила, что ли. Все сидит в своем паспортном – он сам ее туда и устраивал, – все сидит, видно, майора или полковника себе высиживает. Принца ждет. Дождется, как же. Выходила бы вон за Пашку. Ну и что, что он только сержант? Сердце-то у него золотое. И сеструху он еще со школы любит, сам сколько раз Лукову по дружбе признавался.

Луков вспомнил сестру, приятеля и сослуживца – бесшабашного Пашку Ярмольникова – и снова вздохнул. Эх-ма, заедает молодость быт, бытовуха. Вон сегодня по случаю праздника на разводе приказ читали. Что ж, правильные все слова, верные, громкие, стопудовые. Повесят приказ в дежурке в виде плаката всем в назидание, и зачеты по нему замнач у личного состава начнет принимать. Во артист! Я б тоже мог зачеты принимать – Луков криво саркастически улыбнулся. А попробовал бы он тут поторчать на ветру, на холоде. В дождь, в снег, попробовал бы побегать, порулить, помахать жезлом. С водителями полаяться – ведь у нас все права качают, все умные. А на тебя инспектора ДПС глядят, как на злейшего врага. Будто ты специально тут поставлен жизнь им осложнять. Да ради бога! Луков в сердцах рубанул полосатым жезлом воздух. Ради бога, пожалуйста. Вон на Украине, говорят, взяли и ГАИ упразднили. Арривидерчи, мол! Сначала-то в эйфорию, конечно, впали. Как же, дождались... Поездили без ГАИ, без правил, самотеком – день, два, неделю. А потом сами же волками и завывали: безобразие, беспредел, бардак. И поставили нового городского с палкой.

Справа ползла грузовая машина. Луков узнал ее – с мукомольного завода, за рулем либо дядя Вася Глухов либо его сменщик Семенов. «Если Ленька Семенов – остановлю, – подумал Луков, – он за прошлое еще нарушение мне не покаялся». Грузовик поравнялся, остановился сам. За рулем был дядя Вася Глухов:

– Привет, с праздничком!

– Здорово, дядя Вась. – Луков обошел грузовик, заглянул в пустой кузов. – Со смены?

– Домой. Чего невеселый такой?

Дядю Васю знали все на Кукушкинской трассе. И на вопросы его отвечали правдиво – такой уж был человек уважаемый.

– Да зуб болит.

– Зуб? Рано тебе с зубами-то, молодой еще. – Дядя Вася высунул из кабины седую голову. – Чем помочь-то, командир?

– Анальгина нет или тройчатки? – спросил Луков кисло.

– Есть у меня одно народное средство.

– Не пойдет. Ты смотри осторожнее с этим народным.

– Назавтра приготовил. – Дядя Вася хотел было, да так и не решился достать бутылку. – Завтра с сыном в баню пойдем париться. Выходные у меня.

– Счастливо, дядя Вась.

– И тебе счастливо.

Тронулся грузовик, загудел и растворился во тьме. И опять ночь, шоссе. Начал накрапывать дождик. Луков сел в патрульную машину. Милицейская «семерка» стояла на обочине с выключенными фарами. И музыку не слушаешь – нельзя. Вроде и не в засаде тут сидишь, а все же заслон, пост. А пост, он тишину любит, конспирацию...

«Странно, – меланхолично думал Луков. – Тихо-то как сегодня. Как в могиле. Нудная все же пора – осень. Осень наступила, высохли цветы. На мою могилку не приходишь ты... Черт, в рифму! Вот если завтра у Маришки папаня ее снова намеки начнет делать насчет Дворца бракосочетаний, так можно ему прямо в глаза сказать: расписываться в такую хмарную пору – да ни за что! Этак вся жизнь потом как осенний кисель будет. Вот дождемся с любимой весны, лета, тогда уж и...»

А чего летом-то будет такого – другого? А ничего. Какие перспективы? Никаких? Жалованье, что ли, повысят на двести процентов? Или снова льготы вернут? Или, может, квартиру их с Маришкой молодой семье дадут за пять пальцев на ладони? Эх, Игореха Луков, кто тебе, Луков, что даст? Кто о тебе, инспектор ДПС, подумает? Кто позаботится? Никто. Время сейчас такое. Шкурное, собачье время. Вон по телику никого другого не ругают, боятся – а все ГАИ, гаишников. И такие они, и сякие, и уж взяточники-развзяточники и оборотни-разоборотни... А попробовали бы они сами – вот так, здесь, на дороге, с флюсом, с температурой подежурить. Попробовали бы штук шестьдесят колымаг за сутки из дорожного потока выдернуть, проверить.

Попробовали бы жизнью своей рискнуть драгоценной. Вон Пашка Ярмольников, что в Люську-сеструху влюбленный, в прошлом году зимой двух пацанов на озере спас. Не он бы – ушли бы под лед мальцы. А он в полной амуниции, в этой вот куртке-подушке, в этих вот синтепоновых портках в прорубь за ними, не раздумывая, кинулся. Сам едва не утонул, а малявок спас. Потом две недели в госпитале с воспалением легких провалялся. А они все – оборотни, взяточники...

«Я бы тоже кого-нибудь спас», – подумал Луков. И сердце у него в груди екнуло. И даже зубная боль на мгновение отпустила, уступив место вдохновенному порыву.

Сзади послышался какой-то звук. Луков открыл дверь машины, выглянул. Вроде никого. Шоссе по-прежнему пустое. Ни одной машины. Он вылез. Кругом было темно. Внезапно звук повторился – чудной какой-то... Луков, если бы его спросили, не смог бы даже его толком описать. Шорох? Вздох?

Он достал из кармана форменной куртки фонарь. Звук доносился откуда-то сзади – из темноты. Теперь точно это был шорох – словно какое-то животное прошуршало в темноте, страшась попадаться человеку на глаза.

– Эй, кто здесь? – громко спросил Луков.

Тишина.

Он включил фонарь. Пятно света скользнуло по капоту, по лобовому стеклу «семерки». Он медленно обошел машину. Темень непроглядная... Желтое пятно света вырвало из темноты куст боярышника на обочине. Дернулось вправо, влево и...

В пятне желтого света Луков увидел маленькую скорченную фигурку. От неожиданности он не поверил своим глазам – ребенок... Откуда здесь, на пустынной дороге, в такой час может взяться ребенок?

Но это был действительно ребенок – совсем маленький мальчик, лет четырех. Луков приблизился к нему. Его поразило, почти испугало лицо мальчика – бледное, застывшее.

– Эй, малыш, ты что? Откуда ты? – Луков наклонился к ребенку. Тот был неподвижен. Глаза его, казалось, ничего не выражали, кроме...

Луков ощутил странный холодок – никогда прежде ему не доводилось видеть такого странного выражения детских глаз.

– Тебя как зовут? – Луков присел, взял ребенка за плечи, с изумлением заглядывая ему в лицо.

От прикосновения мальчик словно очнулся – дернулся и внезапно начал визгливо с подвыванием смеяться. Смех этот был – истерика. Он бился на руках Лукова, запрокидывая светловолосую голову, закатывая глаза. Луков крепко прижал его к себе одной рукой, другой начал нащупывать рацию – ситуация явно была нештатной, надо было доложить дежурному. Ребенок заходился истерическим смехом – и смех этот все набирал и набирал обороты, ввинчиваясь в уши. И вот уже было не разобрать – смех ли это, плач ли.

Внезапно Луков почувствовал на руках что-то липкое. Его бросило в жар. Он быстро посветил на ребенка фонарем. На нем был темный пуховый комбинезон, и весь он спереди был

покрыт какими-то темными влажными пятнами. Эта влага была теперь и на руках инспектора Лукова. Он поднес ладонь к лицу. Ладонь была красной от крови.

Глава 3

С УТРА ПОРАНЫШЕ

Редкая жена после нескольких лет брака не сталкивается лоб в лоб с вечной проблемой: ночь, а мужа нет дома. И где он, голубь сизокрылый?

Катя – Екатерина Сергеевна Петровская, по мужу Кравченко – никого, никогда, нигде ждать не любила. А тут муж, своя собственность – Вадим Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А. Они с ним только-только приехали из Сочи, где были в отпуске. У Кати он еще самым приятнейшим образом длился, а у Драгоценного, увы, истекал. И вот в свой предпоследний день отпуска Драгоценный, вместо того чтобы уделить внимание любимой половине, отправился в сауну со своим закадычным другом детства Сергеем Мещерским. Они отправились париться и канули без следа.

Катя, хоть и не любила ждать, все же для Драгоценного сделала исключение – ждала, стоически терпела до одиннадцати вечера. Потом терпела до половины двенадцатого – уже со скрежетом зубным. В половине первого, мечта грома и молнии, она позвонила мужу на сотовый. Общалась с автоответчиком, ехидно извещавшим о том, что вы, мол, набрали правильный номер и вам непременно ответят. Но позже. Ждите!

В тридцать пять минут первого Катя, наступив на горло своей женской гордости, позвонила Мещерскому – пусть он ответит, где ее муж. Но друг детства был вообще «недоступен».

Ну сколько можно было париться в этой чертовой сауне? Сколько можно было пить?!!

А без четверти час Катя внезапно вспомнила (точнее, ей вдруг ни с того ни с сего пригрезилось в горячке ожидания), что вроде бы именно сегодня Мещерский должен был лететь ночным рейсом в Улан-Удэ. Нет, кажется, в Уфу... А что, если они после этой бани... Да нет, такое только в кино бывает под Новый год!

Часы пробили час ночи. Сердце Кати от тревоги екнуло и шмякнулось в пятки. Заскулило там брошенным щенком. Скукожилось, стало маленьким-маленьким, злым-презлым. В два часа ночи это маленькое злое сердце стало требовать расправы и мести. «Ну, приди, ну, только явись, – шептала Катя, пиная ни в чем не повинные диванные подушки, жителей кресел – плюшевого медведя, игрушечного, набитого поролоном бегемота. – Только явись у меня, я тебе устрою именины сердца». Она толком не представляла себе эти самые «именины» – возбужденная фантазия рисовала что-то громкое, апокалиптическое, с криками «караул», звоном пощечин и битьем об пол посуды. Как вдруг полет фантазии прервал тихонький, аккуратный такой звоночек в дверь – динь-дон.

Катя фурией-мстительницей полетела по темному коридору. Щеки ее пылали. На глаза попался японский зонт Драгоценного, сиротливо висящий на вешалке. Ручка у него была что надо, увесистая. Она схватила его как боевую палицу, распахнула дверь – на лестничной клетке тоже было темно – и с размаха шлепнула зонтом по просунувшейся в дверь беспутной голове.

– Ой, мама родная, это кто меня? За что?

Голос был не Драгоценного, но очень знакомый. Катя щелкнула выключателем – на пороге в авангарде стоял маленький Сергей Мещерский, обеими руками он держался за ушибленную голову. Позади него, в арьергарде, маячила крупная фигура, подпиравшая могутным плечом стену, – муж, драгоценный муж, Вадим Кравченко.

– А вот и мы, – оповестил он.

– Вижу. Хороши. – Катя покрепче ухватила зонт.

– Это мы, Катюша. – Мещерский, несмотря на ушиб головы, преданно, виновато смотрел на Катю. – А за что ты меня, а? Мы ведь с Вадиком ни в чем... это... мы с ним ни вот на столечко. – Он показал на пальцах и сбился, запутался.

– Хороши, хороши гуси, – прошипела Катя. – На кого вы оба похожи?
– На кого? – удивился Мещерский, сделал шаг и едва не упал.
– Жена, – громко сказал Кравченко, делая широкий жест. – Это самое... потом. Мы вот с Серегой, видишь?
– Я не слепая.
– Мы в сауне были. Парились. Потом у нас колесо спустило. Авария, понимаешь? Абермахт. Задержались.
– В сауне абермахт? – Катя попыталась захлопнуть у них перед носом дверь.
– Ш-ш-ш, тихо у меня. – Кравченко приподнял Мещерского и, как куколку-таран, двинул его вперед, тесня Катю. Силы были, естественно, не равны. Так они и просочились в квартиру.
– Ой, хорошо. Тепло. – Мещерский, которого снова поставили на ноги, казалось, был всем доволен, лепетал, отчего-то окая по-волжски. – Катюша, ты не сердись. Не сердись, а?
– Ты-то что тут делаешь? Ты ведь должен сегодня улетать.
– Я? Куда?
– На кудыкину гору!
– Катька, не волнуй мне кореша. – Кравченко попытался приобнять жену. Катя вырвалась.
– Обиделась. – Мещерский вздохнул. – На нас, Вадик, обиделась.
– На нас? А что мы сделали плохого? – Кравченко развел руками. – Эй, там... ну ладно тебе... полундра, а? Эй, на камбузе, ты нам кофе сваргань.
– Обойдетесь. – Катя ушла в комнату и захлопнула дверь. Разделась, нырнула в постель. Третий час ночи!

В кухне громыхали посудой. Кто-то ворчал, как медведь. Но тревога как-то вдруг растаяла сама собой. На душе отлегло. И злое-презлое сердце потихоньку смягчилось. «Дураки, какие же дураки оба», – уже почти сочувственно подумала Катя. И ощутила запах кофе. И уснула.

Пробудилась она, когда за окном было еще темно – в ноябре светает поздно. Встала и тихо прошла на кухню. Узрела эпическую картину: разоренный стол, давно остывшую кофеварку и два храпящих тела. Большое – Драгоценного, сложенное вчетверо на угловом кухонном диванчике, как на прокрустовом ложе. И маленькое – Мещерского, улиткой скрючившееся в принесенном из прихожей кресле. В головах Драгоценного была диванная подушка. Мещерский спал на том самом игрушечном поролоновом бегемоте.

Можно было бы, конечно, поступить благородно – простить их. Разбудить, растолкать, сунуть в руки чистые полотенца, отправить в душ, наградить с похмелья, с бодуна, такими специальными зелеными таблеточками из супермаркета, напоить кофе, накормить оладушками с клубничным джемом. Но все в душе Кати противилось такому всепрощению и малодушию. «Еще чего, – подумала она. – А то потом совсем на шею сядут. Подумают, что так и должно быть. В таких случаях надо сразу давать понять, кто в доме главный!»

Она быстро оделась и выскользнула из квартиры. Половина девятого. Отпуск. Куда податься с планами мести? Неужели кандехать на работу в пресс-центр ГУВД Московской области, где она, Катя, Екатерина Сергеевна Петровская-Кравченко, капитан милиции, трудилась на ниве криминальной хроники в качестве бессменного обозревателя? Но, находясь в отпуске, ехать на работу – это просто... да это даже приличным словом назвать-то нельзя! Тогда куда же податься в такой ранний час? Да так, чтобы еще и месть осуществилась? Любимые магазины еще закрыты – рано. Кафе? А есть что-то поинтереснее кафешки?

И Катя решила отправиться спозаранку в салон красоты. В тот самый, в который она обычно ходила, – на Комсомольском проспекте, почти напротив хорошенькой такой, пряничного вида церквушки. Салон открывал свои сияющие гостеприимные двери с девяти. «Приведу себя в порядок по полной, – решила Катя. – Хоть целый день там сегодня проведу».

Время в таких райских местах, как SPA и салоны красоты, течет медленно, сладко. Катя для начала попросила для себя увлажняющую релаксирующую маску на лицо. Потом отдала себя массажистке – ее ловкие руки размяли все косточки, взбили тело, как тесто. Катя наслаждалась каждым мгновением – вот жизнь. Кто-то приветливый и умелый из сил выбивается, старается сделать тебя красивой, согнать прочь лишний жирок, поставить надежный заслон из фруктовых кислот вечному врагу – целлюлиту.

– Катя, хотите попробовать обертывание? – ласково спросила знакомая косметичка по имени Эльвира, слышавшая совершенно неземным существом – волшебницей, богиней.

– Хочу. – Катя плыла по медово-масляному морю SPA, источавшему аромат ванили и бергамота.

Сейчас она хотела всего и сразу – все равно ведь расплачиваться предстоит кредиткой Драгоценного. Вот и месть! Да еще какая, золотая!

В тепле она согрелась и едва не задремала.

– С волосами будете что-то делать? – ангельски прозвучал над ухом глас косметологини-богини. – Между прочим, сегодня Иннокентий работает. Вы его постоянная клиентка. А у него с утра в записи окно.

Катя обрадовалась: Иннокентий! Мастер-стилист по стрижкам и укладкам. Стыдно было признаваться, но в самую первую их встречу в парикмахерском кресле Катя отнеслась к нему с великим недоверием. Совсем мальчишка, на вид вчерашний школьник – что такой может понимать в женщинах, в женской привлекательности, и в прическах в частности? Стоек был еще стереотип: парикмахерша – это обязательно она. А он – это нечто подозрительное в голубых тонах. В ту их первую встречу Катя придиралась к каждой мелочи, капризничала. Паренек Иннокентий вздыхал, кротко парировал каждый ее булавоочный укол и порхал над Катей, как мотылек. Но когда она взглянула на себя в зеркало, то в мгновение ока и следа не осталось от ее прежних сомнений, а с губ сорвалось восклицание: «Класс!»

С тех пор она ходила исключительно к Иннокентию. Он был превосходный стилист, колорист, парикмахер – в общем, спец по волосам с большой буквы. Он был единственным мужчиной в салоне и совершенно этим не тяготился. Напротив, было видно, что именно женское царство для него – родная страна.

Каково же было отчаяние Кати и всех остальных постоянных клиенток, когда по салону пронесся слух, что Иннокентия забирают в армию. Это было то же самое, что жарить на сковороде соловья. Представить себе милейшего, обходительнейшего Кешу-Иннокентия в казарме среди ражих дембелей было просто страшно. Все пребывали в отчаянии. Но, к счастью, угроза миновала. Иннокентий снова порхал по салону – стриг и причесывал, колдовал, экспериментировал.

После SPA Катя попала к нему.

– Добрый день, что делаем на этот раз?

– Иннокентий, как обычно, только чуть короче, кажется, кончики секутся.

– Уберем. А цвет? – Иннокентий улыбался.

– Цвет, – чувствуя свою глупейшую счастливейшую улыбку, Катя смотрела на себя в зеркало. И так вообще-то неплохо, но ведь это месть, месть. – Я даже не знаю. Но надо поменять.

– Осень – пора теплых тонов. – Иннокентий склонил голову набок, примеривая, оценивая. – Вот взгляните.

Они склонились над альбомом красок. Теплые тона... Катя подумала, во сколько обойдется стрижка, укладка и окраска, мысленно приплюсовала к уже и без того раздутому счету. А платить придется кредиткой Драгоценного – ах, какая тонкая месть. Ах, какое лицо у него будет, когда он увидит, прочувствует!

– Вот этот тон. – Она выбрала цвет.

– Отлично. – Иннокентий укрыл Катю до подбородка алым фирменным чехлом. Его бледненькое личико сияло профессиональным вдохновением. Он не накладывал краску, он творил, будто писал фреску. И такого художника хотели забрить в солдаты, словно средневекового рекрута!

– Чудесно, чудесно, – приговаривал он, прокрашивая кисточкой корни волос, подавая Кате то чашку кофе с лимоном, то последний номер журнала мод, чтобы не было скучно ждать.

В это время зазвонил Катин мобильный. Она дотянулась до сумки. Определитель оповестил: Драгоценный. «Проспались, наконец, гаврики», – подумала Катя. И ответила: «Алло».

Сопение в трубке. Тягостное молчание. Потом отбой. Раз – начала она отсчет. Когда краску смывали, совершенно некстати раздался новый звонок. Она не взяла телефон. Он зазвонил снова – настырно, страстно. И снова – молчание, многозначительный вздох. Отбой. «Два, – продолжала считать Катя. – Нет, это уже будет три». Семейный мир восстанавливался туго. Отчего-то она решила, что доведет счет до пяти. Тут пришла эсэмэска – не очень понятная: «У меня сердце болит или душа?» Катя понятия не имела, что там болит у Драгоценного и его друга. Иннокентий кружил над ее мокрой головой, жужжал, взмахивал расческой, щелкал ножницами.

Телефон зазвонил снова. Опять Драгоценный. «Это будет четыре, про душу не в счет», – решила Катя. Но отвечать опять-таки не стала – выяснять отношения, когда у вашего уха щелкают ножницами, неприлично и небезопасно. Телефон буквально взорвался новым звонком. Высветился какой-то другой номер. Катя решила, что это все равно муженек, но уже конспиративно с телефона Мещерского (она как-то даже не сообразила, что номер-то не тот).

– Ну? Что надо? – Катя старалась, чтобы ее не заглушал фен.

Треск, тишина.

– Долго будем молчать? Вообще, как не стыдно быть таким подлым, бессовестным негодяем?

– Это я – бессовестный негодяй?

Катя вздрогнула: а это не муж. Это совсем другой человек звонит.

– Ой, Никита... ты?

– Я. Почему это я негодяй?

Начальника отдела убийств Никиту Колосова (а это был именно он) Катя видела примерно дней семнадцать назад, когда радостно сообщила ему (дело было в коридоре главка), что уходит в отпуск (наконец-то!) и улетает с мужем в Сочи.

– В Сочи в ноябре? – мрачно хмыкнул Колосов. – Это он тебе идею подал?

За все годы знакомства Колосов (кстати, старый приятель Мещерского) ни единого раза не назвал Катиного мужа (с которым наотрез отказывался знакомиться) по имени – только словом «он».

Сочи в ноябре были идеей Кати. Но Колосову она в этом не призналась. Расстались они сухо. Правда, все это: их разговор, прощальное «ну пока, Никита» – Катя скоро выбросила из головы. Звонков в отпуске она не ждала, тем более от начальника убойного отдела. И вдруг...

– Никита, прости, я ошиблась. Тут кто-то все время тоже ошибается. – Катя придумывала на ходу. – Я сейчас дико занята. Ты как? Нормально? Я тебе потом позвоню, ладно? Как-нибудь потом.

– Катя, я тебя должен срочно видеть.

«Ба, – подумала Катя. – Этого еще не хватало. И день сегодня будний, и утро на дворе, и он вроде трезвый... Впрочем, у них там по голосу не поймешь».

– Никита, я не могу, я занята. Если хочешь, мы увидимся потом... как-нибудь... в кафе или...

– Да какое, к черту, кафе! – рявкнул Колосов. – Дело срочное, не терпящее отлагательств. Ты должна приехать сейчас. И вот еще что: разыщи срочно эту свою подругу Нину... как ее...

ну, подружка у тебя – доктор, врач. Черненькая такая, вы с ней в Май-Горе на даче вместе были. Она нам тоже срочно нужна.

– Кому это вам?

– Мне, – отрезал Колосов. – Все, приезжай, жду в управлении.

Катя ошарашенно смотрела на телефон.

– Что у нас случилось? – спросил Иннокентий, делая последний штрих укладки.

– Ему зачем-то потребовалась Нинка, – пробормотала Катя.

– Кому? – Иннокентий олицетворял легкомыслие и шарм.

У Кати едва не сорвалось с языка: человеку, еще восемнадцать дней назад казавшемуся тайно в меня влюбленным. Она глянула на себя в зеркало: оттуда ответила взглядом незнакомка – плод вдохновения парикмахера-стилиста, мага и чародея. «Ах, вот вы какие все, – вспыхнула Катя. – И этот туда же. Ну, я вам всем покажу».

Глава 4

«ШКОДА» В КЮВЕТЕ

Для начальника отдела убийств московского областного ГУВД майора милиции Никиты Колосова вся эта история началась намного раньше. Звонок Кате был следствием целой цепи событий, начало которым положила та ночь на Кукушкинском шоссе. 10 ноября – День милиции, единственный праздник, который Никита Колосов отмечал наряду с Новым годом и Днем Победы, – начался как самые обычные рабочие будни, но продолжился несколько лучше: после обеда Колосов махнул в тир, потренировался в стрельбе, позанимался в спортзале на силовых тренажерах, поплавал в бассейне.

Объявился старинный кореш Николай Свицерко, хлебосольно, лукаво начал соблазнять выпивоном, зазывая к себе в гости вечером. После развода он опять женился – на этот раз не на молоденькой свистушке-студентке, а на даме гораздо старше себя, деловой, хваткой, с квартирой и сыном-подростком.

Потом позвонила секретарша шефа Наташа и вкрадчиво сообщила, что у нее, мол, случайно оказалось два билета на праздничный концерт в министерстве. Пристальное внимание к своей персоне с ее стороны Колосов ощущал уже давно, билеты были явно предложением познакомиться поближе. Но на концерты с попсой, даже посвященные Дню милиции, Колосов не ходил. А Наташа ему совсем не нравилась. Ну что тут поделаешь? Не нравилась. Поэтому, закупив по пути в супермаркете все, что надо к праздничному столу, он двинул в гости к другу Коле Свицерко любоваться на его новое семейное гнездо.

К одиннадцати вечера они с другом были уже хороши. Колосов, щурясь от сигаретного дыма, взял гитару. Жена Свицерко сидела напротив, слушала, вздыхала. Женщина она была симпатичная, сдобная.

– Голос у вас, Никита, неважный. Курите все небось, вон как мой. – Она как пацана потрепала Николая по стриженному затылку. – А поете ничего, с душой. Ну-ка давайте еще про клен ты мой опавший. Или из Высоцкого чего-нибудь.

На певческой ноте и застал Колосова срочный вызов дежурного по главку. Ехать предстояло прилично – в район железнодорожной станции Редниково, на какое-то там Кукушкинское шоссе.

– Давай я с тобой, Никита, а? – предложил Свицерко.

Человек он был опытный, в оперативном поиске не собаку – слона, наверное, съел, и сейчас, спустя неделю после происшествия, Никита Колосов даже жалел, что отказался от его предложения тогда – решил не нарушать его отдых, его праздник, его силы, которые ей-ей потребовались бы другу Коляну, чтобы достойно закончить этот вечер и поднять свой мужской рейтинг в глазах новой жены.

Позже, спустя неделю, Колосову казалось, что, если бы Свицерко в ту ночь поехал вместе с ним, и увидел бы *все это* своими глазами, и помог бы своим опытом и советом, все было бы не так, как сейчас. И даже нынешнее присутствие Ануфриева – того, кто сидел сейчас за стеной в соседнем кабинете и без устали названивал по телефонам, раздавая налево и направо ЦУ, можно было бы переносить с большей выдержкой и стойкостью.

На месте происшествия тогда ночью Ануфриева не было. Да и что бы он стал там делать? Нет, он появился позже, как только наверх просочилась информация о личности жертвы. Появился как бы из ниоткуда. Колосов, например, впервые встретился с ним в кабинете у шефа. Шеф – человек уже пожилой, много чего повидавший в жизни, – выглядел смущенным. Казалось, он тушевался перед этой серенькой, совершенно непрезентабельной с виду фигурой по фамилии Ануфриев.

В ту ночь, честно признаться, Никита ехал на место происшествия в таком приподнятом, благодушном настроении. И досада, что вот, мол, де, вырвали его, как овощ с грядки, из-за стола, не грызла, не точила. Машина была новая, недавно купленная вместо разбитой всмятку черной «девятки», хоть и подержанная здорово, зато иномарка-«бээмвуха». Двигатель на ней был мощный, скорость дай боже, по ночной-то трассе. И в результате на сердце было тепло. Ну, убийство или чего там, ну сейчас разберемся на месте, сделаем свою работу. А завтра выходной. Между прочим, жена у Кольки – просто марципан, хоть и сорокалетка. Пошла провожать его в прихожую, сказала, дыша «Алазанской долиной»: «Ну и работа у вас. А то бы остались? Вон сколько всего на столе. А я еще пирог испекла – курник на четыре угла, как бабуля когда-то меня учила». Он ответил: «Не могу. Служба». Она засмеялась грустно, притянула пухлой рукой к себе Кольку Свицерко, чмокнула его звонко в щеку и сообщила: «А я вот настаиваю, чтобы он-то уходил от вас совсем. Ну ее к лешему, эту вашу милицию. Коммерцией вместе займемся, а то я все одна да одна».

По дороге в Редниково Колосов все пытался представить себе Коляна Свицерко в роли коммерсанта, мелкого или среднего там предпринимателя, торгующего пивом, обоями, стройматериалами, плиткой, автозапчастями, гвоздями, гайками. Картины выходили все какие-то мультяшные, потешные. Колосов улыбался: нет, дамочка хитрая, хоть вы и жена Кольки третья уж по счету, но вам крылья корешу моему не подрезать. Нет, это курицу-несушку по полету видно, а такого орла по...

Метафора не сочинилась. Колосов увидел посты оцепления – Кукушкинское шоссе в этот поздний час на время перекрыли в обе стороны, – милицйские машины с мигалками, «Скорую помощь». Он остановился, вылез, мысленно проверяя себя: сколько хмеля еще осталось, сколько выветрилось дорогой. И все вроде было, как всегда. Как обычно, на работе – даже чья-то трагическая безвременная смерть. Как вдруг...

Громкий вопль резанул уши. Колосов вздрогнул: где-то совсем рядом надривно визжал ребенок.

– Успокойте вы его, ради бога, сестра!

– Я не могу. Он все время кричит. Я сделала ему укол успокоительного. Но он не действует.

Колосов увидел открытую дверь «Скорой» – внутри молоденькая сестра пыталась удерживать на руках судорожно бьющееся в каком-то совершенно диком припадке маленькое детское тельце. Этот кричащий ребенок... Это было первое, что он увидел там, на месте. Казалось, детское горло просто не способно издавать такие звуки. И все же...

К Колосову подошли местные сотрудники розыска, начальник Редниковского ОВД. Многие были тоже спешно подняты по тревоге из-за праздничного стола. Среди них Колосов заметил высокого гаишника – тот был бледен, без фуражки.

– Ведь он второй час уже вот так воет, – говорил он одному из оперативников. – А сначала-то все смеялся. Смеялся – страшно было глядеть.

В голосе гаишника – Колосов позже узнал, что его фамилия Луков и что именно он первый сообщил в ОВД о происшествии на трассе, – было нечто такое, что заставило Колосова окончательно протрезветь.

Он оглянулся на «Скорую», оттуда по-прежнему доносился визг, наждаком царапающий нервы.

– Докладывайте ситуацию, – сказал Колосов начальнику ОВД.

Доклад был немного сбивчивым, но очень обстоятельным. Подозвали для объяснений инспектора ДПС Лукова, и он рассказал о том, как свет его карманного фонаря высветил из ночной темноты «этого вот мальчишку».

– Вы не представляете: он смеялся, все время смеялся, а сам весь кровью с ног до головы вымазан. – Голос Лукова дрогнул. – Я испугался, что он ранен, схватил его на руки, начал

осматривать. Он цел-невредим, это не его кровь. Оставить я его не мог, доложил по рации в отдел, решил проверить трассу. Ведь откуда-то он взялся, не с неба же свалился! Пошел я вперед, самого его несу на руках и вон там, – он указал в темноту, скупо освещенную фарами патрульных машин, – там, за поворотом, увидел – точнее, едва не наткнулся на иномарку. Это была «Шкода Октавия». Обнаружил я ее примерно на расстоянии метров трехсот от места, где увидел на обочине дороги мальчика. Машина съехала в кювет и там застряла. Я подошел, заглянул через лобовое стекло в салон. За рулем сидела женщина. Она была мертва.

– Авария? – спросил Колосов тихо, уже зная, что услышит совсем другой ответ, иначе его, начальника «убойного» отдела, не вызвали бы сюда среди ночи в эту глухомань.

– Убийство, – ответил за Лукова начальник ОВД. – У женщины множественные раны. Смерть наступила, скорее всего, от острой кровопотери. Там уже работает наш судмедэксперт.

Даже после этой фразы, после ребенка в «Скорой» все еще вроде было, как на самом обычном рядовом месте убийства. Только вот этот жуткий визг, плач – недетский совсем, какой-то просто нечеловеческий, ни на минуту не дававший сосредоточиться на главном – на деле.

– Этот мальчик, он что, сын погибшей? – спросил он.

– Пока ничего конкретного ни о нем, ни о ней установить не удалось. У ребенка, видимо, сильное нервное потрясение. Видите сами, в каком он ужасном состоянии. – Начальник ОВД хмурился. – Да и маленький он очень. От него мы пока ничего не узнали.

– Осмотр что-то даст. Идем, взглянем. – Колосов ускорил шаг и увидел в свете фар бежевую, сильно забрызганную грязью «Шкоду Октавию». Она действительно застряла в кювете. Съехала с дороги и буквально воткнулась в обочину фарами, капотом. Подошел инспектор ДПС Луков.

– Расскажите, что вы здесь обнаружили, – попросил его Колосов. – Фары, как и сейчас, не горели?

– Правая разбита, левая не горела. Аварийка тоже.

– Но на этих моделях вроде автомат.

– Автомат можно отключить. Аварийка, когда я подошел, не мигала, – тихо ответил Луков.

– Отключить? А двери?

– Левая со стороны водителя была закрыта, но не заперта. Правая передняя распахнута настежь. Левая задняя заперта – я подергал, она не поддавалась, правая была открыта, неплотно прихлопнута.

Колосов увидел судмедэксперта. Тот показывал что-то эксперту-криминалисту, вооруженному цифровой камерой. Колосов подошел к «Шкоде» и заглянул в салон. Тело все еще было там, на водительском сиденье. Все лобовое стекло изнутри было обильно забрызгано кровью. Кровяные потеки были и на боковом стекле, и на бежевых чехлах передних сидений.

Женщина лежала, завалившись на правый бок. Во всей ее позе был какой-то неестественный излом. «Для живой такая поза невозможна, – подумал Колосов, – так лежит только мертвец».

Женщина была крашеной блондинкой. Черты лица были мелкие – он не понял сначала даже, была ли она симпатичной при жизни или дурнушкой, молоденькой или не очень, – такая в этом лице была боль и мука. Одежда: потертые джинсы, розовый свитер и розовая куртка – намочена от крови.

– Семь ножевых ран – в основном в область спины, шеи, левого бедра, – сухо сообщил судмедэксперт. – Ну, давайте потихоньку осторожно извлекать, – кивнул он на труп.

Спустя два часа осмотр был закончен. Извлеченное из машины тело лежало на обочине дороги. Для него уже был подготовлен черный транспортировочный чехол.

– Причина смерти, бесспорно, ранения, несовместимые с жизнью, острая кровопотеря, – судмедэксперт говорил это Колосову и следователю прокуратуры и одновременно наговаривал для себя на диктофон информацию. – Сделаем вскрытие, посмотрим результаты.

– Удары ножом ей наносили сзади. Нападение произошло, судя по всему, в салоне машины во время движения, – сказал Колосов, – и едва не стало причиной аварии. Видимо, скорость была совсем небольшой, иначе бы машина перевернулась.

– По-вашему, в салоне находился кто-то еще, сидевший сзади? – спросил следователь прокуратуры.

Колосов в раздумье кивнул: характер ран вполне соответствует неожиданному «нападению в пути». В основном жертвами таких нападений становятся водители, занимающиеся частным извозом. Некоторых в целях грабежа и завладения машиной бьют по голове, другим набрасывают на шею удавку. А вот тут кто-то орудовал ножом, как мясник.

Только вот не похоже, что покойница вот так запросто ночью на безлюдной дороге посадила какого-то незнакомого пассажира. Ведь не таксистка же она? Нет, совсем на таксистку не тянет, одета, как кукла Барби, вся в розовое, а для извоза даже продвинутые девицы выбирают в основном кожанки-бомберы. Колосов вспомнил этикетки на одежде убитой: джинсы «Дольче и Габбана», куртка и кашемировый свитер «Эскада».

– Это ее сын? – спросил судмедэксперт, указывая на «Скорую», где медсестра продолжала возиться с ребенком. Он наконец затих. – Вроде бы они похожи.

Колосов направился к «Скорой». Оттуда не доносилось ни звука. Стараясь не шуметь, он приоткрыл дверь. Медсестра сидела на клеенчатой кушетке, держа мальчика на руках. Его голова была повернута к двери. Он уже не кричал, не визжал, не плакал. Колосов увидел крохотный крепко стиснутый кулачок, испачканный засохшей кровью.

– Давно пора увезти его отсюда, – шепнула сестра.

– Да, конечно. Но еще немного подождите, мы сейчас машину осмотрим до конца. Может, найдем что-то, что укажет нам, кто он и кто его мать, – тоже шепотом ответил Колосов. Он видел глаза мальчика – светлые, пустые, лихорадочно блестящие, они не выражали ничего.

– Его мать? – переспросила медсестра.

– Та женщина в машине.

– Когда мы приехали сюда по вызову, – медсестра нервно сглотнула, – тут был только один ваш сотрудник, гаишник. Мальчик был у него на руках. С ним было что-то вроде истерики. Он смеялся до икоты, я никак не могла прервать этот его смех. Вообще, это было ужасно. А потом я увидела машину и ту женщину всю в крови. Я просто обмерла от страха. Ничего подобного никогда здесь у нас не случалось.

– Он точно не ранен? Вы его осмотрели?

– Конечно, осмотрела. Сразу же, хоть и трудно было – так он вырывался, бился. На нем нет ни единой царапины. Это не его кровь, а его матери.

– Скоро вы с ним поедете в больницу. Здесь в районе есть детская больница?

– Есть в Кратове, – кивнула медсестра.

К «Шкоде» вплотную подогнали милицейский «Форд», и осмотр продолжился. Искали все улики: пригодные для идентификации следы пальцев рук, собирали частицы грунта на полу в салоне, светя карманными фонарями, осматривали кровавые брызги и пятна на сиденьях, собирали волосы, волокна. На заднем сиденье царил жуткий беспорядок. Колосов обнаружил там целый ворох женских вещей – укороченную ярко-красную дубленку сорок шестого размера, явно запасные замшевые туфли-лодочки, шерстяной плед, бутылку с минеральной водой, бутылку с соком и модную дамскую сумку. Она была открыта, и содержимое ее частью валялось на сиденье, частью на полу, на резиновом коврике: связка ключей с брелоком, яркая помада, тушь, пудреница и портмоне. В портмоне в разных отделениях лежали девять купюр

по тысяче каждая, несколько сторублевок и мелочь. Кроме того, там было множество дисконтных карт парфюмерных магазинов.

«Итак, деньги в целости и сохранности, – подумал Колосов. – Странно».

Он окинул взглядом салон – что ж, просторный. Между сиденьями места вполне достаточно. Он попросил эксперта-криминалиста особенно тщательно исследовать заднюю спинку переднего сиденья и пол.

Открыл переднюю дверь. Что у нас тут? Приборная панель. Бак полон на две трети, ключ зажигания торчит... Если нападение было совершено с целью завладения иномаркой, так что же это? Правда, сама машина пострадала – вон фара раскокана, но... Почему убийца не взял машину, не тронул деньги? Возможно, его кто-то спугнул, и он все бросил и ринулся наутек? Сдали нервы? Это после такой-то резни? Или он бросился следом за мальчиком, который сумел выскочить?

Кстати, где мог сидеть ребенок во время нападения? Сзади? Обычно детей, да еще таких маленьких, родители сажают сзади. Даже стульчики специальные с собой возят. Но тут такого нет. И если бы ребенок сидел сзади, то... Нет, тогда бы он не спасся. Видимо, он находился на переднем сиденье. Колосов заглянул под переднее сиденье и поднял с пола фигурку игрушечного робота-трансформера. Так и есть. Что-то блеснуло в тусклом свете карманного фонаря. Присев на корточки, Никита пошарил возле коробки передач. Пальцы нащупали какую-то пластинку, нет, пакетик из плотного пластика. Он достал его. В нем было что-то круглое, твердое.

Он окликнул эксперта. Тот очень осторожно, стараясь не повредить, извлек пинцетом из пакетика его содержимое. Колосов был готов увидеть что угодно: от пуговицы до фишки игрового автомата, но это была... монета.

– Ничего себе находочка. – Эксперт даже присвистнул.

В свете фонаря тускло поблескивал желтый металл. Золото? Края монеты были неровные, вид у монеты какой-то чудной, совершенно лишенный пропорций. Колосов с трудом разглядел, что на странной монете выбиты некие совершенно примитивные фигурки, непонятные буквы.

– Древняя вроде монетка, – сказал эксперт, – раритет, а на полу валяется. Видно, выпала откуда-то. Тут нам специалист потребуется, Никита Михайлович, чтобы разобраться, что это такое.

Колосов разглядывал монету. Убийца не тронул и этой вещицы. А ведь это вроде как антиквариат, к тому же золото. Это было все равно как найти на берегу моря выброшенную волнами бутылку с пергаментом, испещренным иероглифами. Поглощенный созерцанием монеты, Колосов едва не позабыл осмотреть «бардачок». А ведь там своей очереди терпеливо дожидалась самая главная на тот момент улика.

В «бардачке» под запасным панорамным зеркалом рядом с маленькой иконкой лежали права. Колосов увидел на фото потерпевшую. Прочел ее имя, фамилию. В тот момент его просто удивило, что фамилия крайне редкая на сегодняшний день – двойная. Части фамилии, составлявшие одно целое, были как-то смутно знакомы. Вроде бы даже на слуху, из тех, которые ты слышал раньше не раз и не два, и если даже и забыл, то обязательно, обязательно вспомнишь.

– Сестра спрашивает: они могут забирать мальчика в детскую больницу, пока не отыщутся его родственники? – спросил Колосова один из оперативников.

– Кажется, теперь обойдемся без детской больницы. – Колосов внимательно изучал фото женщины на водительских правах. Ее имя, оказывается, было Евдокия.

Глава 5

НИНА

Со звонком Нине Катя решила не спешить. Нина Картвели была ее близкой и давней подругой. В памятное лето в дачном поселке Май-Гора обе они вместе с Никитой Колосовым были свидетелями и участниками весьма драматических событий. В то лето Нина, брошенная мужем, ждала ребенка. С тех пор прошло четыре года. Сын Нины Гога подросток. Нина работала в детском отделении частной стоматологической клиники и растила сына одна.

Они по-прежнему дружили, но виделись редко. Обе были заняты на работе, дома. Однако непременно хотя бы раз в две недели звонили друг другу, порой выбирались вместе в театр, в кино или на рок-концерт. Нина колесила по Москве в маленькой, красной с пятнышками машиненке «Дэу Матиз», похожей на божью коровку. Она вечно куда-то спешила: то в клинику на смену, то в лекторий на семинар по повышению квалификации, то на рынок Гоге за фруктами, то в химчистку, то в супермаркет.

– Я как белка в колесе, Катя, – жаловалась она. – И конца-краю этому бегу по кругу не видно. Вот няньку наняла Гоге, так, чтобы ей платить, работаю по две смены. Родственники из Тбилиси звонят – тетя Тамара, тетя Лаура. Они обе вдовы, очень одиноки. Там сейчас тяжело жить. А у тети Лауры дочка Верочка в хореографическое училище в Питере поступила, в деньгах сильно нуждается. Мне и приходится всем помогать, деньги посылать. У нас в роду совсем не осталось мужчин, да и у меня, как видишь, за столько лет никого стоящего.

Хрустальной, заветной мечтой Кати было женить на Нине друга детства и холостяка Сергея Мещерского. Катя знала: повторяя «нет, нет, ни за что», Нина в душе совсем ничего не имела против такого замужества. Мещерский подсознательно ей нравился. Да как он – такой – мог не понравиться? Вообще, на взгляд Кати, они очень даже подходили друг другу – оба добрые, деликатные, верные. Вот только оба совершенно непрактичны в житейских делах. Зато во всем остальном, в том числе по росту и стати, – настоящая пара. Ну, подумаешь, Нина всего на пару сантиметров выше маленького Мещерского.

Но, увы, все намеки Кати по поводу подружки Нины наталкивались на такое замешательство и смущение Мещерского, что все попытки оканчивались ничем, а инициатива глохла на корню. Когда же Катя приступала прямо: «Сережа, а ведь Нина такая красавица. И детеныш ее подросток, такой забавный стал, смысленный», – когда она пела вот так лисой, Мещерский краснел до ушей, вставал с дивана и удалялся курить на балкон. Вадим Кравченко – Драгоценный В.А. – бурчал:

– Ну, чего ты к нему пристала, как репей?

– Я же хочу как лучше, – оборонялась Катя. – Ему давно пора жениться.

– Он сам знает, как ему лучше. – Кравченко тоже вставал и уходил к другу детства. И они перекуривали это дело.

С Никитой Колосовым за все годы после Май-Горы Нина виделась только дважды. Он передавал ей письма из колонии строгого режима от человека, который... Стоп, эти майгорские события Катя вспоминать не любила. А письма эти просто ненавидела. После них Нина делалась совершенно больной, подолгу плакала. Тот человек был убийцей. Чудовищем. К несчастью, он был соседом Нины по даче, товарищем ее детства. И, как оказалось, он любил ее. Нина считала себя виновной в том, что произошло тогда в Май-Горе, хотя – Катя поклясться в этом была готова – вины ее не было никакой. Так получилось: жизнь сыграла с Ниной злую шутку, а может быть, и сцену из античной трагедии в дачном интерьере. Но все это было давно – в прошлом, в прошлом, в прошлом.

В настоящем же сын Нины Гога отпраздновал свой четвертый день рождения. Он был тихий мечтательный малыш – кудрявый, с ресницами в полщеки.

– Приезжали из Грузии родственники, – рассказывала Нина, – так ругали меня! По-грузински Гога говорит плохо, грузинских букв ни одной не знает. Сказок грузинских тоже не знает – я ему ведь Андерсена читаю. И вообще, говорят мне хором: девчонку растишь, не мужчину, не воина, не грузина.

– А что такое? – наивно спрашивала Катя.

– Он ведь в куклы у меня играет. Обожает. – Нина при этом сама вспыхивала. – И повлиять пока на него невозможно – сразу плачет. Если приходим в игрушечный магазин, на машинки, на роботов ноль внимания. Тянется только к куклам. И приходится покупать. На день рождения я ему кукольный домик подарила. Так он даже ночью играть вставал. А родичи мои в панике: ты сама детский врач, кричат, неужели не понимаешь, чем этот перекося эмоционально-психологический чреват?

– Я тоже не понимаю, чем чреват, – отвечала Катя. – Ты не волнуйся, пусть себе пока играет во что хочет. Все равно потом все и всех затмит домашний друг – компьютер. Но, в общем-то, твои родственники правы: мальчику нужен отец.

– Да, я понимаю, – кивала Нина.

В последние месяцы они виделись совсем мало. Стояла золотая осень. Катя попыталась было построить совместные планы на отпуск – все равно у Драгоценного отпуск намного короче, и оставшиеся пару недель она бы смогла куда-нибудь поехать вместе с подругой. Но Нина каким-то особенно тихим загадочным голоском ответила ей в телефонную трубку на это предложение: «Нет, я пока не смогу уехать. Мне с тобой нужно поговорить, посоветоваться... многое рассказать, но не сейчас, позже, потом».

Тон был странным, туманным. Заинтригованная Катя ждала, когда подруга ее созреет для разговора. Ясно было, что в жизни затворницы, работницы, добытчицы, матери-одиночки, кормилицы всего многочисленного старинного грузинского рода Картвели наступили какие-то важные перемены. «Наверное, у Нинки кто-то возник на горизонте, – решила Катя, – должно быть, тоже медик, коллега».

В роду Нины, кроме тбилисских теток-вдов и племянницы-балерины, все были врачами. Покойный дед Нины Таризел Картвели был знаменитым кардиологом, академиком. Когда-то у него лечились крупные советские партийные чины, военные, известные артисты.

Через две недели взбудораженная Нина сама примчалась к Кате домой, выбрав вечер, когда Драгоценный работал сутки.

– Ну? – спросила умиравшая от любопытства Катя. – Рассказывай все-все.

Нина прислонилась к вешалке. Такого выражения на ее лице Катя не видела давным-давно.

– Катя, мне кажется... я еще сама ничего не знаю, но мне кажется, я люблю одного человека. Очень сильно люблю.

Катя подпрыгнула: «Йе-сс!» – и коснулась пальцами люстры, схватила Нину, потащила ее в комнату – на диван к окну шептаться.

– Он, конечно же, зубной врач, с тобой вместе работает, да? – озвучила она свою догадку.

Нина покачала головой – нет.

– А кто же он? Как имя счастливца?

– Марк. Марек. – Нина повторила имя очень тихо. – Катя, я даже не думала, что в моей серой, мышинной жизни случится такое.

И она поведала Кате историю о том, как однажды после работы, в девять вечера, – работала она в Стекольном переулке – зашла в итальянское кафе на уголок.

– Вечером у нас все замирает. Деловой центр, все по домам спешат. Кафе днем полны, а вечером пусто – шаром покати. А у меня как раз была вторая смена до половины девятого. Я

жутко в тот вечер устала. Давление было низкое, просто какой-то упадок сил. Если капучино не выпить, то и домой-то не доедешь. Уснешь за рулем. И вот ты представляешь, сидела я за столиком, вся такая зачуханная, несчастная, вялая, как улитка. Думала, что вот надо пить капучино, потом тащиться домой, а завтра снова в клинику, что няньку надо искать новую – эта больно строптивая, что Гоге надо столько всего покупать на зиму: он растет не по дням, а по часам, – что надо хлопоты эти проклятые продолжать – теткам насчет гражданства, – они сюда, в Москву, хотят перебраться, в Тбилиси жить совсем неспособны материально, и вдруг... Я повернула голову – вот так – и увидела его. Он сидел у окна. Что-то пил, смотрел прямо на меня.

– Пил? – Катя сразу насторожилась.

– Да подожди ты, все чудесно. Он пил коньяк. – Нина вздохнула, наполненная воспоминаниями до краев.

Далее она поведала Кате о том, что в тот вечер незнакомец так и не отважился заговорить. Смотрел, курил сигарету. Молчал. Нина уехала домой. Через два дня, снова вечером («Ты только не подумай, Катя, что это я нарочно»), она зашла в кафе. Незнакомец был там.

– Лил жуткий дождь. У него весь плащ промок. Но он даже его не снял, – рассказывала Нина.

В тот вечер он снова не заговорил с ней. Но когда она допила свой кофе, расплатилась и вышла к машине, вышел следом.

В третий раз – это был вечер субботы, когда Нина дежурила, – она снова увидела незнакомца.

– Я наскоро поужинала в кафе и возвращалась к себе в клинику. Шла сквером. Он шел за мной.

– Нина, мне что-то это не нравится, – честно призналась Катя (вспомнились нехотят те письма из колонии, от того, кто отбывал там двадцатипятилетний срок за убийства). – Нина, ты должна быть осторожна.

– Почему? Да ты дослушай. Я же не все еще рассказала. – Нина закрыла глаза. – Катя, ты даже не представляешь себе, какой он человек. Не то чтобы собой очень видный внешне, красивый, нет, даже совсем напротив, но это просто волшебство.

В тот вечер таинственный незнакомец молча проводил Нину до дверей стоматологической клиники. Они оба медлили: Нина – открывать дверь, скрываться за ней, он – поворачиваться спиной, уходить.

– Вам обязательно быть здесь сегодня? – спросил он.

– Да, я на работе. Я сегодня дежурю до утра, – ответила Нина.

– Хорошо, я понял.

Когда она утром (смена заканчивалась в половине девятого) вышла из подъезда, то увидела желтое такси. Водитель спал за рулем. А сзади сидел он.

– Этот странный тип? – спросила Катя.

– Его зовут Марк, – повторила Нина.

По ее словам, незнакомец прождал ее в такси у подъезда клиники всю ночь. И хотя она сама была на машине («Моя козавочка тут же в переулке стояла»), она согласилась, чтобы он довез ее до дома.

– И что же было дальше? – спросила Катя. – Дома?

– Ничего. Он почти всю дорогу молчал.

– Снова молчал? Какой-то великий немой.

– Молчал, держал меня за руку. Возле лифта попросил мой телефон.

Позвонил он на следующий день.

– И о чем же вы толковали? – усмехнулась Катя.

– Он спросил, как мое имя. Назвал себя. Попросил о встрече.

Встретились на Тверском бульваре. Шли рядом. Желтая сухая листва шуршала под ногами. Нина рассказывала об этом то подробно, то какими-то отрывками, – казалось бы, бессвязными, лишенными логики: «Катя, я была сама не своя, точно и не я это вовсе иду с ним по этим бульварам, держу его под руку. Голос его слышу – такой чужой, такой родной. Тебе интересно, о чем мы с ним говорили тогда? Ни о чем. И обо всем. Я сказала, что у меня есть сын, которого я очень люблю. Он сказал что-то про «кофейню, из которой мы словно были выброшены взрывом». Я и поняла и не поняла. А он сказал, что это стихи Бродского. Я его спросила: «Скажи, что с нами такое случилось? Как так вышло, что мы – ты и я встретились?»

– И что он тебе ответил? – спросила Катя.

– Ответил, что если бы не увидел меня тогда, в тот самый первый вечер, то наверняка покончил бы с собой.

– Нина! – воскликнула Катя. (Ей почудилось, что Май-Гора снова нависла над ними своим грозным призраком.)

– Он мне не лгал. Катя, это правда. Он мне сказал: «Наша встреча – судьба».

Тогда Катя решила: спорить бесполезно. Ей чудилось, что Нина, ее Нина, доверчивая и добрая, попала в сети какого-то хитрого обольстителя, брачного афериста. Ну, как же – полный набор: романтические прогулки, многозначительные взгляды, намек на самоубийство («Я еще не решил – жить мне или умереть»), призыв в свидетели судьбы. «Этот жулик решил ее обаять, втереться к ней в доверие, а потом ограбить».

– Ну-ка, как его фамилия, этого мистера Икса? Фамилию-то его ты, надеюсь, знаешь? Или не знаешь? – спросила она, тут же решив со всей прямолинейностью сотрудника милиции проверить Нинино ухажера по банку данных на судимость за мошенничество и брачные аферы.

– Его зовут Марк Гольдер.

Фамилия, как ни странно, показалась Кате смутно знакомой. И совсем не по криминальным сводкам.

– Ну что ты на меня так смотришь, мой милый прокурор? – Нина вздохнула. – У тебя на лице сейчас написано, что ты страшно обеспокоена моей судьбой. Не волнуйся, он не профессиональный многоженец. Он профессиональный шахматист. Гроссмейстер. Недавно выиграл международный турнир на Мадейре.

– Ой! – Катя тут же вспомнила, что действительно слышала в новостях спорта такую фамилию, и упоминалась она сразу после Крамника. – Нина... Мамочка моя! Нина, и он сказал тебе, что ваша с ним встреча – судьба? Так это же замечательно! Он же известный спортсмен, выдающаяся личность. А что вел с тобой странно, оригинально, так это теперь вполне понятно: он же шахматист, гроссмейстер. Они же все инопланетяне, из другого измерения. Ты вот что, срочно перечитай «Защиту Лужина».

– Катя, «Защита» не поможет. Он женат. – Нина положила голову на диванную подушку. – У него тоже есть маленький сын, которого он тоже очень любит. Он и жену свою, кажется, до сих пор сильно любит, чтобы там он мне ни говорил. Любит. А она... она превращает его жизнь в ад.

Этот разговор состоялся в начале октября. Потом Катя улетела с Драгоценным отдыхать в Сочи. Они с Ниной не виделись, не перезванивались. Этот разговор так и остался бы между ними. Катя даже представить себе не могла, что у него будет самое неожиданное продолжение.

Глава 6

ТЕМНЫЙ АПОКРИФ

В отпуске на все смотришь другими глазами и как бы со стороны. Катя предъявила на проходной служебное удостоверение и вошла в до боли привычный вестибюль главка. Обычно торопясь и опаздывая на работу, она пролетала его насквозь как пуля, стараясь попасть в лифт, точно он отчаливал в последний рейс. Сейчас – в отпуске – она никуда не торопилась. И вестибюль поразил ее сумраком и непривычной тишиной. Лифт не работал.

– Электричество по всему зданию отключили, – лениво сообщил дежурный по КПП, – опять что-то там где-то вырубило. Чинят.

Катя направилась к лестнице. Надо сначала подняться на второй этаж, пройти по длинному коридору, потом снова спуститься в пристройку, где испокон веку размещается уголовный розыск. Возвращаясь в знакомое место, пусть даже после недолгого отсутствия, порой замечаешь то, на что прежде и не обращал внимания. Вот, например, это здание главка... Отпускница Катя ощущала себя здесь сейчас как праздный турист. Надо же, оказывается, какое оно – это старое здание. Сколько всего видели, слышали эти стены – каких людей, сколько секретов, сколько тайн верно и угрюмо хранили. В последние годы здание главка переживало эру перманентного ползучего ремонта. Строители, как мыши в сыр, вгрызались в стены. Все менялось на глазах – перепланировывалось, благоустраивалось, модернизировалось, компьютеризировалось, обретая черты офисного евроремонта. Однако под этой еврооболочкой из пластиковых панелей и краски все равно таилась незыблемая основа, кондовый архитектурный каркас, этакий монолит, созданный в эпоху расцвета кубизма тридцатых годов.

Свет как неожиданно погас, так неожиданно и вспыхнул снова. Загудели обрадованно люминесцентные лампы под высокими потолками, освещая коридоры, обшивку стен, ковровые дорожки, скрадывающие звук шагов. Из дверей кабинетов хлынули сотрудники, возобновилась обычная рабочая суета.

В коридоре розыска Катя увидела невысокого, совершенно незнакомого по виду сотрудника – лысоватого, средних лет, с неприметным лицом, одетого в отлично сшитый костюм. Он скользнул по Кате взглядом. И прошел мимо, направляясь в сторону приемной начальника управления. Катя тут же о нем забыла – мало ли новых сотрудников? Открыла дверь знакомого кабинета. Никита стоял у окна, повернувшись к двери спиной.

– Привет, вот она я, – объявила Катя.

Он круто обернулся.

– Здравствуй. Откуда я тебя вытащил?

– Неважно откуда. Ты попросил, точнее приказал, и вот я явилась пред твои ясные очи.

– Ты такая сегодня... ну, не такая, как всегда. Другая совсем. – Колосов смотрел на нее. – Где ты была?

– Там меня уже нет. – Катя чинно уселась на стул. И что он так пялится? Неужели человека до такой степени может изменить новая прическа, другой цвет волос? Ой, даже жарко становится под таким взглядом – точно под прожектором.

– Что, в Сочи было так хорошо? Расцвела ты там.

– Там было славно, Никита. – Катя старалась держаться самого нейтрального тона. Черт, он сейчас прожжет у нее на лбу дырку этими своими ясными очами. – Погода, как у нас в конце августа. Но потом, конечно, дождик полил. Никита... ах, Никита... так зачем я так срочно тебе понадобилась? И для чего тебе Нина?

– Нина? Какая Нина? – Колосов неотрывно глядел на Катю. – А... Ну, о ней после. Ты садись, пожалуйста.

– Да я сижу давно. Что с тобой? Очнись. – Катя кокетливо тряхнула новой прической. – Я прямо сюда к вам, в розыск. Даже еще к своему начальнику не зашла, не поздоровалась. Что стряслось?

– У нас убийство.

– Где?

– На сорок первом километре Кукушкинского шоссе.

– Какого шоссе?

– Кукушкинского. Это возле станции Редниково. Зверски убита молодая женщина.

– Царствие ей небесное. Ты хочешь, чтобы я дала об этом происшествии информацию в прессу?

– Ни в коем случае.

– Тогда для чего ты так спешно вызвал меня из отпуска? Ты ведь знаешь: моя работа – писать статьи о раскрытии преступлений, о ваших профессиональных подвигах, формируя в умах населения и без того донельзя положительный образ сотрудника милиции.

– Катя...

– Что, Никита? – Она заглянула ему в глаза.

– Это дело необычное. Я бы сказал, из ряда вон.

– Сколько было убийств в твоей богатой практике? И сколько из них – из ряда вон?

– И тем не менее это дело совершенно особенное. Вот снимки с места происшествия. – Он, щелкнув мышью, открыл в компьютере нужный файл. – Смотри сама.

Щелкала мышка, мелькали снимки. Он укрупнил их. Катя увидела ночную натуру – освещенный фарами дежурных машин участок дороги, деревья, светлую иномарку, явно попавшую в аварию. Потом она увидела женский труп в салоне, снятый в разных ракурсах – слева, справа. Женщина была молодая. Блондинка. Что ж, все это уже было когда-то. И даже этот салон, залитый кровью, и заляпанное красным стекло машины – тоже было, и не раз.

– Семь ножевых ран, заметь, – сказал Колосов.

Семь ран. И это тоже было. Было и двадцать семь когда-то.

– Ограбление? – спросила Катя. – Хотели забрать ее машину?

Колосов щелкнул мышкой: возник снимок, запечатлевший изъятые вещи – дамскую сумку и ее содержимое: темные очки, ключи, портмоне.

– А это что такое? – Катя указала на экран. – Ювелирное украшение?

Вместо того чтобы укрупнить снимок, привлечший ее внимание, Колосов полез в сейф и достал оттуда опечатанный прозрачный пакет, явно приготовленный для отправки либо в ЭКУ, либо следователю прокуратуры. Катя узрела внутри пакета тот самый маленький тускло-золотистый кружочек, что был на снимке.

– Это древняя монета, – сказал Колосов, – вроде как византийская – мне в нашем ЭКУ сказали. Как видишь, убийца и ее тоже не взял, как и деньги и тачку. Монету в пакете я нашел под сиденьем в ходе осмотра. Может быть, она выпала откуда-то.

– Погибшая коллекционировала нумизматические древности? – равнодушно спросила Катя и внезапно тихо ахнула: – Никита, а это что за мальчишка? Ой, какой, боже, весь в крови... Вот, заснят в «Скорой»?

– Это ее сын.

– Его тоже ранили? Такого кроху?

– Нет, его не ранили. Он сумел убежать.

Катя смотрела на снимок погибшей. На фотографию мальчика на руках медсестры. Возле «Скорой» там, на снимке, стоял здоровяк-гаишник, видно было по его лицу: переживал за мальчика.

– Это инспектор ДПС, он их обнаружил – сначала парнишку, потом его мать. Помочь ей ничем не успел. Она была уже мертвая.

– Это такой вот маленький сумел убежать? – Катя покачала головой. – Да, дела... Но я все равно не понимаю. Раз это убийство пока вами не раскрыто, раз писать о нем нельзя, для чего я-то тебе понадобилась?

– Знаешь, как звали убитую? – тихо спросил Колосов. – Евдокия Константиновна Абаканова-Судакова.

– Ну и что с того?

– Абаканова-Судакова.

Катя посмотрела на снимок в компьютере.

– Мне эта звучная фамилия ни о чем не говорит.

– Судаков, ее прадед, после войны был министром среднего и тяжелого машиностроения.

– Да? Она его правнучка?

– По женской линии. А по мужской – она внучка Абаканова.

– Никита, честное слово, я не...

– Ираклия Абаканова, – повторил Колосов.

– Какого еще Ираклия? Черт... Ираклия Абаканова? Того самого? – Катя откинулась на спинку стула. – Это правда? А я-то думала...

– Что ты думала?

– Что это давно уж и не фамилия вовсе. Что это некий такой ведомственный апокриф. Темный апокриф госбезопасности.

– Я таких ученых слов не знаю. А в толковый словарь заглянуть – влом. – Колосов хмыкнул. – А рассказов о нем действительно до сих пор много ходит. Разных.

Катя пожала плечами. Что она могла сказать? Имя Ираклия Абаканова было ей знакомо. Оно часто упоминалось на страницах прессы и в телепередачах – в исторических хрониках всегда рядом с именами Берии, Вышинского. Что ж, если время и пространство относительны, то генерал Абаканов, наверное, и был тем самым последним, припозднившимся гостем, поднимавшимся по мраморной лестнице на знаменитый бал к булгаковскому Воланду.

– В войну он возглавлял управление контрразведки, – продолжил Колосов. – После войны стал министром госбезопасности и МВД. Говорят, сферы влияния они с Лаврентием Палычем все делили, жестоко боролись за влияние на Сталина. Абаканов молодой был, подсиживал Берию со всех сторон.

– Подожди, постой... но он ведь вроде потом покончил с собой? – воскликнула Катя. – Бросился под электричку?

– Под поезд метро на станции «Парк культуры».

– Это случилось после XX съезда?

– Нет, раньше – в пятьдесят четвертом, после расстрела Берии.

Катя снова взглянула на снимок жертвы.

– Если она его внучка, сколько же ей тогда лет? – спросила она недоверчиво.

– По паспорту тридцать один год.

– Но, Никита...

– У Ираклия Абаканова в пятьдесят четвертом остались молодая жена – он был женат на дочери министра Судакова – и трехлетний сынишка. Вот ее отец. А самому Абаканову в пятьдесят четвертом, между прочим, было всего сорок четыре года.

Катя встала со стула, подошла к окну. За окном был внутренний двор главка. В ворота как раз въехала бронированная машина – автозак. В глубине двора, задушенная со всех сторон асфальтом, росла старая корявая яблоня. Ее не посмели тронуть, срубить. Здесь, в этом тихом дворе-колодце, не сыскать было пучка травы, клочка живой земли, только асфальт, асфальт, асфальт. Но яблоня росла наперекор всему, упорно цепляясь корнями за что-то в своем глубоком подполье. Наперекор всему весной она зацветала – и как еще! По осени приносила урожай яблочек. Их рвали водители служебных машин.

Яблоня была местной легендой. И эти здания за ней, окружавшие двор, – о них ведь тоже ходили всяческие легенды и рассказы. Катя сама не раз их слышала. Как и всякие городские байки, они не всегда были правдой. Говорили, например, что вон в том здании в подвале, как раз под главковской библиотекой (самой по себе легендарной), некогда располагался министерский тир. И якобы туда любил приезжать Лаврентий Берия, чтобы лично, собственноручно допрашивать там, размахивая пистолетом, врагов народа во времена борьбы с космополитизмом. Но легенда бессовестно лгала: и зловещий тир никогда не помещался в подвале под библиотекой, и Берия никогда не приезжал в этот двор-колодец, потому что его, двора, и этого здания министерского тогда, в конце сороковых годов, еще и в помине-то не было.

Слышала Катя ведомственные легенды и про генерала Ираклия Абаканова. К этой фамилии прилагались обычно – в тех же ведомственных байках, мемуарах, хрониках – тысячи эпитетов: «злой гений МГБ», «гений контрразведки», «палач», «вдохновитель репрессий», «мистификатор», «жертва тоталитаризма».

Честно признаться, она не особенно интересовалась всем этим. Ее всегда больше влекло настоящее, чем прошлое пятидесятилетней давности. Было только как-то странно знать: вот вроде был такой всемогущий генерал, министр, возглавлявший объединенные ведомства государственной безопасности и внутренних дел, слитые в те времена в единый стальной кулак. Был-был, а потом вдруг сплыл: бросился под поезд метро – даже не застрелился! – покончил с собой.

В памяти, как эхо, возникали какие-то обрывки, от кого-то услышанные, где-то прочитанные: старая актриса, красавица, чаровница, звезда экрана, в одночасье отправленная в ГУЛАГ, рассказывавшая о своих встречах с генералом, о своем «нет, хоть умрите» в ответ на его настоячивые мужские притязания. И еще что-то – про какую-то блестящую операцию или контроперацию против немцев в конце войны, про фокстрот, которого генерал был большим любителем, про ипподром и скачки, про джаз-банд Эдди Рознера, которому тоже, увы, вплоть до лагерной баланды с генералом, катастрофически не повезло. Про каких-то неведомых космополитов (сейчас, убей бог, не вспомнить из истории – кто такие, откуда?), про черный «ворон» у подъезда и ночные аресты, паутину колючей проволоки, старые дачи НКВД в подмосковном поселке Кучино, про призраков страшной Сухановской тюрьмы и «облака, плывущие в Абакан» где-то там, за границей дня сегодняшнего.

Но все это было так давно. Это было уже обглодано со всех сторон, залито чернилами, перенесено на страницы мемуаров, а в реальности – похоронено и забыто. Или еще не совсем забыто? Оказывается, от тех времен наши дни отделяли всего два поколения.

– Я все-таки по-прежнему слабо соображаю, Никита: чем я-то могу тебе в этом деле помочь? – спросила Катя.

В этот момент в кабинет заглянул тот самый незнакомец в сером костюме, что, казалось, случайно встретился в коридоре.

– Беседуете? – спросил он. – Ну, не буду вам мешать.

– Это Ануфриев, – сказал Колосов. – Прикомандирован к нашей оперативной группе в связи с этим делом.

– Откуда он? – спросила Катя.

– Да вот оттуда.

– Надо же. А Нина вам для чего? – Катя внезапно встревожилась.

– Я тебе сейчас все объясню. Но сначала ты должна знать, что я узнал там, на шоссе, во время осмотра.

Катя слушала, не перебивая.

– Выходит, этот мальчик – сын Евдокии Абакановой-Судаковой? – спросила она после.

– Да.

– А как же она с ним оказалась ночью на этом Кукушкинском шоссе? Откуда и куда ехала?

– Это пока еще неизвестно.

– Но вообще, хоть что-то, кроме фамилии, вам известно о ней самой, о ее семье?

– Известно. Кое-что сами накопили, кое-какую информацию Ануфриев предоставил.

– Но почему они вмешиваются в это дело? Это же чисто уголовное преступление, не их юрисдикция.

Колосов ничего на это не ответил. Он был хмур и явно чем-то сильно озадачен.

– Ну, и какое же у тебя личное впечатление от осмотра места? – спросила Катя.

– Личное? Да как тебе сказать, чтобы было прилично, а не матерно... Что мы узнали? Да ничего особого, проливающего свет, так сказать. Евдокии Абакановой нанесено семь колото-резаных ножевых ран. По крайней мере, три из них уже изначально были смертельны. Почти все раны нанесены сзади – в шею, в спину, под лопатку. Нападение произошло в машине. Ребенок, судя по всему, в момент нападения находился на переднем сиденье рядом с матерью, и ему удалось выскочить. Или же, скорей всего, это она, спасая, вытолкнула его прочь.

– Значит, убийца находился в салоне? Пассажир?

– Вряд ли бы она ночью посадила случайного пассажира. Либо это был кто-то свой, с которым они ехали вместе, либо...

– Что?

– Ну, я подумал... у «Шкоды Октавии» довольно просторный салон. Было же темно, ночь. Убийца мог спрятаться сзади и напасть.

– Спрятаться сзади? Что, между сиденьями, что ли, притаиться? Никита, это нереально. Такое только в американских фильмах про маньяков: бац – и выскочит как чертик из бутылки.

– В этой «Шкоде» сзади на сиденье барахла разного было накидано – целый гардероб эта Абаканова с собой возила. Ну, потом эксперты осмотрели салон. Изъято несколько шерстяных волокон с сидений, потом фрагменты грунта найдены на полу, на коврике. Нет, Катя, возможности, что убийца прятался сзади, я не исключаю. Потом, само нападение... Судя по всему, оно произошло во время движения машины. Правда, скорость на тот момент еще была небольшой, иначе авария была бы гораздо серьезнее.

– Как можно сесть в свою машину и не заметить, что сзади прячется человек? – хмыкнула Катя. – Пусть даже и ночь, тьма кругом. Хотя бывали случаи, конечно. А про скорость ты к чему? Думаешь, что эта Абаканова только выезжала на шоссе, точнее, не успела отъехать от какого-то конкретного места?

Колосов снова щелкнул мышкой. Отыскал нужный файл – подробная карта района, прилегающего к железнодорожной станции Редниково.

– Вот смотри, – сказал он, – вот здесь это самое Кукушкинское шоссе. Вот место, где обнаружена «Шкода» и труп. А вот тут – метрах в трехстах за поворотом – инспектором ДПС Луковым был найден этот самый мальчик Лева Абаканов. Между прочим, на инспектора эта встреча на ночной дороге произвела неизгладимое впечатление.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я-то? Я сам видел этого парнишку там, на месте, в «Скорой». Он был... Катя, в общем, зрелище было какое-то жуткое. Ты знаешь, у меня нервы крепкие, да и кожа, как у бегемота, на такие вещи, но даже я... Слышала бы ты, как он выл, как кричал.

– А что у нас вот здесь? – спросила Катя после паузы.

– Здесь станция. До нее от места убийства примерно километров девять. От озера и расположенного на его берегах кантри-клуба примерно километра полтора. И примерно столько же до поселка Красный Пионер.

– Рабочий поселок или дачный?

– Дачный. Место тихое, живописное. Много художников живет, там какой-то бывший дачный кооператив. Сейчас расширяется, активно застраивается. И вот еще какая деталь: в трех километрах при выезде на магистральное шоссе – наш стационарный пост ГИБДД. А

вот здесь, фактически совсем близко от места нападения, в ту ночь нес дежурство инспектор ДПС Луков. Ничего подозрительного он не видел, криков о помощи не слышал. Никто мимо него, говорит, в ту ночь не проезжал, кроме грузовой машины. Водителя он хорошо знает, тот местный. И, надо думать, вне всяких подозрений.

– Значит...

– Ничего это пока особо не значит, Катя. – Колосов покачал головой. – Это всего лишь привязка к местности. А в остальном пока только догадки. Самая главная улика – орудие убийства – отсутствует.

– А с отпечатками что?

– На приборной панели, на руле, на дверях с внутренней стороны следы пальцев рук убитой. А вот на ручке правой задней двери с внешней стороны эксперт наш обнаружил частицы талька.

– Талька?

– Если убийца не дурак, а он, кажется, не дурак, то он хватался за эту самую ручку в перчатках из латекса.

– В перчатках? Он, по-твоему, сантехник?

– Это ж классический прием заметания следов. Любой школьник, читающий детективы, это знает.

– Ладно, допустим, убийца орудовал в перчатках. Как он мог незаметно проникнуть в машину и спрятаться сзади? Только в отсутствие хозяйки и мальчика. Значит, машина где-то была этой нашей погибшей оставлена, припаркована? Но когда иномарку оставляют, ее запирают.

– Там чип-ключ, автоматика, сигнализация, – буркнул Колосов. – Я проверил вместе с Луковым. Чип-ключ на месте.

– Тогда вообще ничего не стыкуется. Получается, что убийца не мог пробраться в машину тайком и спрятаться. Значит, она все же посадила его сама. И потом... Никита, раз ребенок был в момент нападения в машине, выходит, он видел убийцу?

– Видел. Другое дело – сможет ли он его узнать?

– А где этот Лева Абаканов сейчас?

– Семья, точнее, старший брат Евдокии – Константин забрал его.

– Брат? А где ее муж? – спросила Катя.

– По нашим данным, она вот уже два месяца как разведена.

– Кто-то из их семьи был здесь, в управлении? Вы кого-нибудь уже допросили?

– Я разговаривал с ее братом Константином. Допросом это вряд ли можно назвать. Мы – он, я, Ануфриев – вместе были у шефа. Это дело уже взято на особый контроль прокуратурой, министерством, ну и, как видишь, Лубянкой.

– Потому, что жертва – внучка Ираклия Абаканова?

– Возможно, не только поэтому.

– То есть?

– У меня куца информация. – Колосов криво усмехнулся. – Пока Ануфриев спускает нам сюда в розыск ровно столько, сколько считает нужным.

– Господи, но ведь этот самый Ираклий Абаканов уже полвека как покойник! – воскликнула Катя. – И вообще, он признан виновным в организации репрессий, незаконных арестов, фабрикаций уголовных дел. Не покончи он с собой тогда, в пятьдесят четвертом, его бы наверняка судили. И до сих пор его никак не оставят в покое. Столько пишут всего. Вон Вадик мой мемуары Судоплатова читал.

– Для некоторых контор полвека – это не срок. Абаканов был шеф контрразведки, потом министр госбезопасности. Такие покойники, даже не реабилитированные Генпрокуратурой, – это особые покойники. И входить в контакт с ними и с их потомством не всякому доверят.

– Ты несешь какую-то чушь. Входить в контакт с покойником – вы что, на пару с Ануфриевым устроите спиритический сеанс: дух бывшего министра госбезопасности, явись нам!

– Если бы он явился, от нас бы только клочья полетели, Катя. – Колосов хмыкнул. – Я неверно выразился, а ты неправильно поняла. Чтобы ты правильно поняла, излагаю суть дела дальше. Значит, беседовали мы с братом погибшей Константином Константиновичем. В шоке он был, конечно, горевал. Не так чтобы головой об стенку бился – нет, все вроде в рамках приличия. И сам вполне приличное производит впечатление. Деловой такой. Кое-что, самую малость, несмотря на свое горе безутешное, он нам поведал.

– Он сказал, как его сестра вместе с сыном могла оказаться ночью на дороге?

– Вот как раз этого он нам и не сказал. Но мы узнали от него телефон и фамилию ее прежнего мужа. Это некто гражданин... черт, записано у меня, куда-то запись дел... ладно, потом найду, скажу тебе. Ну, и кое-что рассказал нам об их семье.

– Надо было сразу вызвать сюда ее мать и отца, а не брата, – сказала Катя.

– Мать его и ее давно умерла, еще в семидесятых. Отец, Константин Ираклиевич, – это тот самый, что остался в далеком пятьдесят четвертом сиротой, тоже, оказывается, три месяца, как скончался. Константин-младший сказал нам: скоропостижная смерть, тромб оторвался. Молодой сравнительно еще был мужик – пятый десяток разменял.

– И что, больше никаких родственников не осталось?

– Полно у них родственников. Константин нам сказал, что у них с Евдокией есть сводные братья и сестры. Их отец дважды женился и даже всех своих внебрачных детей усыновил. Целый выводок наследников – этих самых Абакановых-Судаковых, аж в глазах пестрит. Вот у меня список составлен: Абаканов-Судаков Федор Константинович, Ираклий Константинович – этот явно в честь деда назван, потом Ирина Константиновна, Зоя Константиновна, потом брат какой-то ихний двоюродный Павел Андреевич – это уже просто Судаков, не Абаканов. Потом еще Абаканова-Судакова Евгения Борисовна – это жена этого самого Константина, с которым мы беседовали.

– Подожди, я окончательно запуталась. Ты вот сейчас сказал – наследники. А что, там есть что наследовать?

– Есть. И немало вроде бы, даже по самым скромным подсчетам. Дед ловил шпионов, сажал врагов народа. А вот сын его имел талант к другим вещам. Как первую половину жизни он прожил, не знаю, а вот вторую – явно с большой пользой для себя. В последние десять лет он успешно занимался бизнесом, возглавлял ряд компаний. Сколотил капитал. Основа его – контрольный пакет акций горно-обогатительного комбината в Анжеро-Судженске. Город такой есть, Катя, почти что Рио-де-Жанейро.

– Это называется – «ты будешь олигархом»?

– Очень возможно, но...

– Что – но?

– Да не знаю я, Катя. Не знаю пока. Все еще покрыто туманом, кроме трупа в машине. И единственного свидетеля убийства – четырехлетнего мальчишки.

– А эта монета? – спросила вдруг Катя, кивая на стол.

– Пока это только улика, изъятая с места происшествия. Неразъясненная улика.

– Ну, хорошо, а все же зачем тебе в этом деле потребовалась Нина Картвели? Ведь ты и меня – я чувствую – втягиваешь в это дело, чтобы я помогла тебе ее привлечь.

– Я тебя втягиваю? Да я помощи прошу.

– В чем?

– Позвони Нине сейчас, найди ее. Пусть приедет сюда.

– Зачем? Никита, ты вспомни Май-Гору, весь тот кошмар, что Нинке там пережить пришлось. Ей вот так тогда хватило. А ведь она тогда ребенка ждала.

– Все забывал спросить – кто родился-то?

– Мальчик. Гогой зовут.

– Мальчик – это хорошо. Вообще, хорошо, что она мать, что с детьми умеет обращаться. А то, что она к этому в придачу детский врач, – хорошо втройне. Лучшего варианта и не подберешь в таком шекотливом деле.

– Нина – детский стоматолог, – сказала Катя.

– Стоматолог? Черт... А я-то думал... Ладно, сойдет. Это не суть важно. Все равно ведь детский. А чтобы детей уговорить зубы лечить, такую психологию порой надо развести – закачаешься.

– И что ты опять плетешь? – вспыхнула Катя. – Чувствую, что какая-то жуткая авантюра! Объясни толком, иначе не буду тебе помогать.

– Дело в том, что семья Абакановых-Судаковых ищет хорошего детского врача, чтобы тот в ближайшие недели постоянно находился возле ребенка. А нам позарез нужно доверенное лицо, толковый конфидендент – там, в их среде, потому что без объективной информации мы ситуацию по этому делу не проясним, а лишь запутаем.

– Нина не согласится.

– Она согласится.

– Не согласится ни за что.

– Я ее очень попрошу. И ты тоже. На, звони ей. – Он протянул телефон. – Пусть приедет сюда немедленно.

– Это, знаешь ли, уже ни в какие ворота. Ее нельзя втягивать во все это.

– Я тебя прошу, Катя, позвони ей. – Он держал трубку.

– Ты со мной не искренен. – Катя решила стоять до конца. – А это дело серьезное. И втемную влезать в него по вашей дурацкой прихоти я Нинке не позволю. Она и моя подруга. И она в первую очередь должна думать о своем сыне.

– А этот пацан, этот Левка Абаканов, там, в их этом чертовом доме? – Колосов грохнул трубкой об стол.

Грохота и гнева Катя не испугалась. Подошла к нему. Он отвернулся к окну. Он досадовал на себя, что невольно сгоряча сказал то, что пока не хотел говорить. То, что тревожило его все сильнее, заставляя идти на поводу у Ануфриева, как раз и предложившего всю эту «операцию по внедрению информатора».

– Никита, скажи мне все, как есть, – попросила Катя.

Сказать все... Чудачка все же она! Что он, начальник отдела убийств, знал сам на данный момент? Только то, что видел своими глазами, – труп Абакановой в «Шкоде», кровь, потом странную сцену, разыгравшуюся в кабинете у шефа, когда ему представили в качестве напарника этого Ануфриева. Потом лицо этого самого братца – Константина Абаканова, – когда они разговаривали там же, у шефа в кабинете. А потом было то, о чем он решил пока умолчать, да вот не вышло. Была дорога туда, к ним в элитный поселок Калмыково, когда они целой делегацией от главка, прокуратуры и министерства отправились на бывшую госдачу министра тяжелого и среднего машиностроения Судакова. Госдача эта и примыкавший к ней парк в несколько гектаров давно уже были выкуплены из спецфонда и приватизированы его предприимчивым внуком, преуспевшим в делах бизнесменом Константином Ираклиевичем.

Они ехали по Киевскому шоссе, миновали Внуково. Вон там, за лесом, некогда жил в своей резиденции прославленный маршал, а теперь проживает банкир, напротив некогда была госдача брежневского министра иностранных дел, которого американцы прозвали «мистер НЕТ». А вон там была дача Любови Орловой и Александрова.

Повернули в сторону Калмыкова. И спустя четверть часа уже въезжали в массивные железные автоматические ворота, в тот двор, как в крепость.

Их цель была проста – побеседовать с членами семьи, которые собрались здесь, в этом загородном доме. Колосов смотрел в окно машины, и ему казалось, что время остановилось

здесь, точно уснуло или остекленело на этих прямых, аккуратно подметенных аллеях, обсаженных голубыми, еще такими советскими елками. Он увидел кирпичный фасад дома, многочисленные окна, глянул вверх – и внезапно сердце его замерло.

Окно мансарды третьего этажа под самой крышей было распахнуто настежь в этот холодный ветреный ноябрьский день. А на подоконнике стоял ребенок – тот самый – Колосов узнал бы его из тысячи. Он не держался, не цеплялся ни за что – ручки его просто не доставали до краев рамы. Он стоял и смотрел вниз – на них. Еще мгновение – и он бы...

Колосов услышал сдавленный крик – это закричала беременная жена Константина Абаканова – Евгения. Крик этот полоснул его по сердцу, и он, забыв обо всем, бросился в дом. В тот миг он не реагировал ни на что – ни на поднявшийся за спиной переполох, ни на обстановку внутри. Судаковы-Абакановы кричали и суетились, шум стоял, как в курятнике.

– Где у вас лестница вверх? – крикнул Колосов.

– Вот сюда, за мной, скорее. – От всего этого семейного содома отделился, отпочковался бледненький темноволосый паренек лет шестнадцати, увлекший Колосова через обширную, как зал, гостиную и сумрачную столовую к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. В мансарду вела еще одна лестница – винтовая. Колосов преодолел ее в три прыжка и, к счастью, не опоздал – буквально сдернул ребенка с подоконника.

– Малыш, ты что? Ты куда залез-то? – тормошил он мальчика.

Тот молча отталкивал его от себя крохотными ручками, крутил головой. Снова, как и там, в «Скорой», пытался вырваться, словно чужие прикосновения были для него нестерпимы. На этот раз он не кричал и не визжал, но это странное молчание – нет, безголосие – отчего-то напугало Колосова сильнее, чем тот поросячий визг на дороге.

– Как же вы можете оставлять его одного без присмотра? – обрушился он на подросшего парня. – Да еще при открытом настежь окне!

– Открытом окне? – Парень (позже Колосов узнал, что его имя Федор Абаканов-Судаков) поспешно захлопнул створки. – Я не знаю... Странно, что оно вообще открыто. Наверное, мама здесь проветривала или шпингалет соскочил.

Колосов хотел было осмотреть окно, но ему помешали. И с беседой тоже ни черта не вышло. Происшествие всех выбило из колеи. Знакомство хоть и состоялось, но все было как-то нервно, скомканно. В довершение всего то ли от испуга, то ли еще по какой причине беременной жене Константина Абаканова – этой самой Евгении – стало плохо. Позвонили врачу. И все вообще смешалось.

– Нет, так мы с этой компанией далеко не уйдем, – тихо, веско изрек Ануфриев, когда вся их пышная делегация возвращалась назад несолоно хлебавши. – Тут надо проработать иной вариант.

Этим иным вариантом и должна была стать Нина Картвели.

– Мальчик, по-твоему, хотел броситься вниз? – тихо спросила Катя, выслушав его краткий рассказ. – Не рано ли в четыре года решаться на самоубийство?

Он не ответил. Он все уже сказал ей. Все, что мог.

– Ладно, раз ты настаиваешь, я позвоню Нине, приглашу ее сюда. – Катя взяла телефон. – Только я не уверена, что она согласится.

– Можно обойтись и без согласия.

Катя резко обернулась: на пороге кабинета покачивался с носка на пятку тот самый тип – Ануфриев.

– Как это так? – Катя выпрямилась.

– Человека ставят в определенные условия, и он работает. Добросовестно. – Ануфриев прошелся по колосовскому кабинету. – А согласие, барышня, – это пустая формальность.

– Барышни в супермаркете за кассой. Я офицер милиции, – сказала Катя. – Запомните, пожалуйста.

– Я запомню. – Ануфриев улыбнулся ей. И сразу – точно ластиком – стер улыбку со своих тонких губ.

Глава 7

ДОМАШНИЙ МАСКАРАД

Над Киевским шоссе, забитым в час пик транспортом, гулял северо-восточный ветер. Резкие порывы его глохли только в густом лесу, отделявшем дачный поселок Калмыково от шумной магистрали.

Смеркалось. Прочесав лес как гребнем, ветер со свистом вырывался на простор озера, гнал по пустынному берегу сухую листву, пыль, порыжелую опавшую хвою. Дом, где так недолго и так неудачно побывал Колосов, не сумев в горячке нового неожиданного ЧП толком рассмотреть ни его убранства, ни его многочисленных обитателей, встречал сумерки, сулившие непогоду, ярко освещенными окнами, пылающим камином, дымом из труб и тишиной. Ветер хозяйничал в парке, выдувал из укромных углов застоявшуюся осеннюю сырость, мчался по аллеям, которые за полвека существования дома и парка видели военных и штатских, пышные посольские приемы на лоне природы, правительственные кортежи, состоявшие поначалу из черных сталинских «ЗИЛов», потом «Чаек», машин спецохраны, зарубежных лимузинов с дипломатическими номерами. За последние десятилетия марки машин кардинально изменились, кортежи канули в небытие.

Дом все сильнее врастал своими кирпичными стенами в землю, страстно, глухо, молча, противясь всем нововведениям. Их было пока немного – новый современный гараж с автоматическими воротами, новая яркая парковая подсветка вместо старых фонарей, новое здание гостевого дома под красной черепичной крышей в глубине парка.

При самом первом хозяине этой тогда еще правительственной госдачи – бывшем министре тяжелого и среднего машиностроения генерале Судакове – этого гостевого дома и в помине-то не было. Дом этот выстроил его единственный внук Константин Ираклиевич Абаканов-Судаков уже для своих детей, для будущих внуков, потому что старый дом при всем его просторе становился уже тесен. А потом эта бывшая госдача была успешно выкуплена из спецфонда и обращена в собственность. На месте старого дома задумано было возвести современную комфортабельную европейскую виллу. Но смерть Константина Ираклиевича положила конец всем планам. И старый дом получил отсрочку.

Порыв ветра швырнул первую пригоршню колючих льдинок в освещенные окна первого этажа. Здесь всегда, при всех хозяевах, размещалась большая гостиная. Пялились со стен чучела охотничьих трофеев: головы лосей, кабанов, косуль, горных баранов – архаров, оленей. Над пылающим камином скалилась голова медведя, изъеденная молью. Ее давно пора было убрать на чердак, она портила весь вид, но ее берегли. Этот трофей был, пожалуй, единственной вещью, привезенной в этот дом с другой госдачи, некогда принадлежавшей зятю бывшего министра Судакова – генералу Ираклию Абаканову. Но еще в 54-м госдачу с треском отобрали. А охотничий трофей остался. В доме все, от мала до велика, знали, что этого медведя в 1949 году поднял из берлоги и собственноручно подстрелил дед Ираклий из презентованного ему самим генералом Эйзенхауэром охотничьего ружья.

Возле камина стояло кожаное кресло, а в нем дремал старый, до безобразия жирный, раскормленный кот. В этом доме у него не было особых привязанностей. Но не было и врагов, кроме одного. Сквозь дрему кот нет-нет, да и прислушивался чутким ухом, не скрипнет ли лестница наверху, не спустится ли враг из своей комнаты сюда, в гостиную.

Старый кот помнил время, когда его врага привезли в этот дом совсем еще маленьким мальчиком – вредным и сопливым. А теперь это был шестнадцатилетний акселерат, патологически ненавидевший кошек по причине аллергии. В его присутствии кот остро опасался

и за свой пышный хвост, и за толстый загривок. Он знал: сейчас его враг наверху и совсем не в своей комнате, а в спальне своей родной сестры Ирины, с которой они были близнецами.

И точно – на втором этаже было освещено только одно окно. Шестнадцатилетний Федор Абаканов – враг кота и тот самый парень, что указал Колосову путь наверх, в мансарду третьего этажа, сидел в комнате своей сестры Ирины. Она еще не вернулась из колледжа. А он в этот день в колледж не поехал, придумав себе простуду и кашель.

Спальню сестры с самого детства он любил больше своей по многим причинам. Здесь все было лучше, чем у него, гораздо привлекательнее, заманчивее. Например, вот этот шкаф – Иркина кладовая, забитая ее барахлом: свитерами, платьями, топами, юбками, джинсами, куртками, туфлями, бельем. Однажды отец (тогда еще живой, полный сил) застучал его, Федора, здесь и... Это было полтора года назад. И с тех пор Федор старался быть предельно осторожным. Отец умер, и вроде бы некому стало устраивать по этому поводу скандалы, но осторожность уже стала второй натурой Федора, превратившись в привычку.

Федор поднялся с постели сестры, на которой лежал, подошел к двери, открыл, выглянул – темно на всем этаже, внизу свет – в гостиной, в столовой, в холле, на кухне. Вот раздался телефонный звонок. Мать Варвара Петровна взяла на кухне трубку. Кто ей звонит? Наверняка какая-нибудь подруга. Что же, в доме немало новостей, которые безотлагательно следует обсудить с подругой по телефону.

Федор плотно прикрыл дверь, припер ее креслом. Затем подошел к шкафу, раздвинул его створки и рывком сдернул с себя белый шерстяной свитер. Расстегнул джинсы, содрал их энергично вместе с плавками и носками. Совершенно голый он стоял перед шкафом, точно перед сокровищницей, потом повернулся к зеркалу сестры. Внимательно, придирчиво, очень критично разглядывал себя, поворачиваясь то спиной, то боком. Ничего, скоро ему исполнится восемнадцать лет. И он станет сам хозяином своей судьбы, своего тела – станет хозяином самого себя. Нет-нет, конечно же, хозяйкой. Эта операция... Она не так уж и сложна и совсем не опасна. Сколько людей уже благополучно прошли через это. И он пройдет и разом покончит с тем, что его гробит, что мешает ему жить, как он хочет, как должен.

Федор порывлся в туалетном столике сестры, достал черный испанский веер, приложил его, раскрытый, к низу живота. Вот так гораздо лучше. Этот веер привезла Ирке сестричка Зоя из Испании прошлым летом. Он тоже жуть как хотел в Испанию, в Коста-Браво, на море. Но отец – Константин Ираклиевич – отправил его в летний молодежный лагерь под Питер, на Финский залив. Туда все время наезжали какие-то лекторы – эмиссары из молодежных движений, все о чем-то бубнили, чему-то учили. Не отдых там был – обязательная сплошная. Федор чувствовал себя там совершенно несчастным, одиноким, заброшенным. Но когда отец спрашивал его по телефону, как отдыхается, лгал бодрым голосом, что отдыхается ему классно.

Он вообще привык лгать с самого детства. С девяти лет, с тех пор, как они с сестрой Ириной были привезены в этот дом.

Федор начал перебирать вещи сестры. Да, гардеробец у нее еще полудетский, подростковый. Вон у сводной сестрички Зои вещи намного лучше, стильнее. А какие тряпки были у сестрички Евдокии – Дуни! Это просто полнейший отпад! Дунька была страшная модница и ненасытный шопоголик. И ко всему еще первейшая стерва. А теперь ее нет. И никогда, никогда уже больше не будет. И кому теперь достанутся все ее вечерние платья от «Дольче Габбана» и «Роберто Кавальи»?

Первое, к чему потянулась его рука, было белье. Он выбрал черные кружевные трусики-стринги. Сопя, замирая сердцем, потя, напаялил их на себя. Черт, не лопнули бы спереди! Потом достал из обувного ящика черные замшевые сапоги сестры, обулся. Покачался на шпильках, привыкая к неустойчивости. Класс, ну просто класс!

Когда он сделает себе эту операцию, тогда и он сможет открыто, прилюдно носить такие. Он сможет носить все эти чудесные душистые женские тряпки. Он поднес к лицу шелковый

топ сестры, жадно вдохнул запах. Духи, украдкой от всех, он покупал себе уже сейчас. Вот только приходилось лгать продавцам в парфюмерном магазине, что это подарок для девушки.

Ничего, после операции он станет заходить и в «Этуаль», и в «Артиколи» в ГУМе, и в «Эсте Лаудер» как самая капризная, самая придирчивая покупательница. Операция еще не туда откроет ему двери. Вот только надо будет пройти эти проклятые психологические тесты, не сплеховать, прежде чем лечь на операционный стол. Да еще – и это самое главное – найти на операцию денег.

Сумму и в евро, и в долларах Федор узнал еще год назад, позвонив по мобильнику в одну из питерских клиник. Операцию он мечтал сделать именно там, а сюда, в Москву, вернуться уже... Кем? Да самим собой, конечно! Естественно, в той новой жизни после операции его будут звать уже не Федор, а... Нет, имя он себе пока еще не выбрал. Имена сестер – Ирина, Зоя, Евдокия – ему не нравились. Имя матери – Варвара – тоже. Вот у деда его Ираклия, как сейчас по телику трубят, были в свое время любовницы – певички, актрисы: Татьяна, Маргарита, Ирэна... Ирэна лучше, чем Ирина. Возможно, что он возьмет себе это имя. Но все упирается в деньги, и в немалые деньги. Надо достать денег во что бы то ни стало. И тогда...

Он нацепил бюстье сестры, сунув в чашечки скомканные шелковые шарфики. Напялил топ. Примерил джинсовую мини-юбку. Ноги у него ничего – длинные. Волосы вот только на икрах и на ляжках растут. Но это ерунда, вполне сводимо. Хуже будет с растительностью на лице – она, сволочь, уже сейчас как колкая щетка. Придется после операции по изменению пола брать сеансы фотоэпиляции. Он прочел в журнале, что это тоже совсем не сложная вещь, хоть и дорогая. Были бы только деньги... Достать их он обязан. От этого зависит его счастье.

Он набросил на плечи красный кожаный пиджак сестры, но тут же отшвырнул его. Нет, кожа груба. Он и так свою куртку вынужден таскать. Насколько лучше вот этот итальянский жакет из стриженного, крашенного под шиншиллу кролика, который подарил на день рождения Ирке отец. Меха мягонький, прямо льнущий к телу.

Он снова глянул на себя в зеркало. Ну, вот... А ведь они с Ирккой и точно близнецы. И сейчас это так заметно. Ну почему, отчего ей так повезло? Он достал косметичку сестры – все тут на месте? Она обычно и в колледж с собой уйму косметики набирает. Взял помаду, блеск для губ, тушь. Сердце его стучало в груди все сильнее. Хорошо, что сегодня он не пошел в колледж. Хорошо, что солгал матери насчет горла. Сейчас всем в доме не до него – и матери тоже. Все только и говорят об убийстве сводной сестры Евдокии. О следствии, приезде ментов, о похоронах, о ее сыне Левке.

Федор воровато черкнул помадой по губам. Сделал штрихи на скулах, растушевал. Глаза б еще подвести, да тушь трудно отмывается. Мать может заметить. Он отодвинул кресло, выглянул. Мать из кухни перешла в гостиную, продолжая громко разговаривать с подругой по телефону. В этот вечер, кроме Федора и маленького Левы, спавшего в своей комнате, в доме никого больше не было. И она не стеснялась в выражениях:

– Да что ты мне говоришь, – услышал Федор ее резкий, отрывистый голос. – Ее зарезали. Зарезали, как свинью на бойне, – прямо в машине. Она и была-то свинья-свиньей, прости меня господи, что говорю так о покойнице, но это чистая правда!

Федор понял, что мать говорит с подругой о его сводной сестре Евдокии. Он усмехнулся, потом вздохнул – можно было краситься дальше, подводить глаза и потом смело смывать тушь и подводку в ванной. Мать всецело поглощена разговором, и этот маленький домашний маскарад она даже не заметит.

Глава 8

ВЕРБОВКА

– Да нет, что вы, как это можно! Нет, ни за что на свете.

Нина Картвели вот уже час как сидела в управлении розыска напротив Никиты Колосова и Кати и весьма энергично отбояривалась от предложенной ей идеи. Катя позвонила Нине с тайной надеждой не застать ее дома. Но по закону подлости застала.

– Катя, ты? Привет! А я только что в дверь ввалилась. На вокзале была, – обрадованно тараторила ничего еще не подозревающая Нина в трубку. – Выходной взяла. Представляешь, тетя Лаура приезжала из Тбилиси. У ее Верико каникулы в училище, так они приехали ко мне. А сегодня уехали и забрали Гогу с собой.

– Забрали твоего Гогу? – переспросила Катя.

– Ну да, погостить. Я ужасно не хотела его отпускать – мал ведь еще. Но родня меня просто допекла – теперь будут коллективно прививать Гоге грузинские корни. Все мне звонили, упрашивали: и тетя Тамара, и бабушка Бэла, и прабабушка Гарунда. Все хотят видеть моего Гогу – правнука деда Таризэла. Ну, пришлось мне отпустить его с тетей Лаурой и Верой. У нас тут холодно, того гляди, снег пойдет, а там сейчас плюс тринадцать. Потом они в Батуми поедут на море к троюродному племяннику Котэ. Гога там окрепнет на морском воздухе. И мне хоть малая, но передышка.

– Значит, ты свободна? – убито спросила Катя, косясь на Колосова. – Слушай, мне срочно надо тебя видеть. Прямо сейчас. Приезжай ко мне на работу в Никитский переулок. Позвонишь снизу, с поста, я тебя встречу и пропуск закажу.

– А что случилось? – испугалась Нина.

– Это не по телефону.

Верная, добрая Нина Картвели поймала такси и примчалась на всех парах. Обрадовалась Кате, удивилась не улыбчивому начальнику отдела убийств (Колосов тоже спустился в вестибюль главка, чтобы встретить своего потенциального конфиденнта) и узнала о том, чем именно ей предлагают заняться в самом ближайшем будущем.

– Да вы что – с ума сошли? Нет, нет и нет. Никита, вы что, смеетесь, что ли? – протестовала она. – Как это я вдруг так все сразу брошу: работу, клинику, дом – и отправлюсь в какую-то чужую семью в роли какой-то самозванки?!

– Не самозванки. Детского персонального врача для четырехлетнего Левы Абаканова-Судакова, – ответил Колосов.

– Но я стоматолог по профессии. Понимаете вы? Сто-ма-то-лог. А из того, что вы мне сейчас рассказали, я поняла, что этому несчастному мальчику нужен квалифицированный детский психолог.

– Разве вы не разбираетесь в детской психологии? Нина, вы же детский зубной врач. По моему, вы отлично должны разбираться.

– Не надо делать мне комплиментов. Я их не заслужила. Катя, – взмолилась Нина. – Ну хоть ты объясни своему коллеге. Это невозможно. Этого нельзя делать. Потому что это против правил. Против врачебной этики. Ребенку, пережившему такой шок, нужна безотлагательная помощь, а не какие-то игры в приставленных стукачей!

– Я вас, Нина, не в стукачи приглашаю, – ужасно обиделся Колосов. – Что за слова вообще такие? Я прошу вашей помощи.

– Но почему именно у меня?

Тут их перепалку прервал приход в кабинет Ануфриева. Пока ждали приезда Нины, он то исчезал, то появлялся. С кем-то вел долгие беседы по мобильнику в коридоре, лениво листал за столом пока еще тощенькую папку оперативно-розыскного дела.

– Именно у вас, потому что вы нам подходите, Нина Георгиевна, – произнес он тихо. – Во-первых, вы детский врач, пусть и стоматолог. Во-вторых, вы сама мать, а значит, умеете ладить с детьми, в-третьих, вы – внучка академика Картвели, а в семье, с которой вам предстоит встретиться, это имя знают, помнят, а значит, не будут возражать против вашей кандидатуры, когда ее им предложат – не мы, заметьте, а ваши же коллеги, врачи. Ну и последнее, вы, насколько я в курсе, уже имели прежде дело с чем-то подобным.

– Что вы хотите этим сказать? – вспыхнула, как порох, Нина.

– Разве вы не проходили свидетелем по уголовному делу об умышленных убийствах? Проходили. А значит, должны представлять себе, что это такое.

– То дело давно сдано в архив, – резко ответила за подругу Катя.

– В наших да и в ваших архивах, товарищ капитан, дела хранятся по полвека, а то и больше. – Ануфриев усмехнулся.

– Простите, а вы-то, собственно, кто такой? – спросила Нина. – Это вот мои друзья. А вы кто?

– Я коллега ваших друзей. Только из другого ведомства.

– Из ФСБ?

– Ну, уж так сразу и ФСБ.

– Нет, извините, я все понимаю, но я категорически не согласна. Я не могу. Катя, пойми меня. Никита, и вы тоже, пожалуйста, поймите. Я просто не смогу. И потом, как я брошу свою работу? Меня же уволят.

– Об этом можете не беспокоиться, – сказал Ануфриев. – В клинике вам предоставят оплачиваемый отпуск. Они ведь дорожат своей лицензией.

– Госсподи ты, божже мой! – Нина всплеснула руками. – Вы что, волшебник, что ли, чародей? Ну, чем, чем, скажите, я смогу вам там помочь? Я, к вашему сведению, рассеянна до безобразия, ненаблюдательна и...

– Вы справитесь. У вас отличные характеристики. И потом, многого нам от вас не надо. Только информация о семье, о ее членах, круге знакомых, деловых партнерах, о том, что происходит. – Ануфриев не смотрел на Нину, разглядывал свои ногти с безупречным мужским маникюром.

– Эта семья... Да не хочу я быть в этой семье! – воскликнула Нина жалобно. – Абаканов... Слыхала я эту фамилию, как же. Сколько всего на его совести – и ГУЛАГ, и расстрелы. После войны народ только-только вздохнул, такую страшную беду на своих плечах вынес, а они, эти ваши Абакановы...

– Вы будете жить на бывшей правительственной даче министра Судакова, – сухо сказал Ануфриев. – Это их прадед. А госдача сейчас – просто частная вилла. А по поводу генерал-полковника Абаканова... Что, разве кто-то из ваших родственников – дедушек, бабушек – в конце сороковых был репрессирован?

– Нет, слава богу, никто.

– Откуда же тогда такая патетика? Такие филиппики?

– Просто я читала, слышала по телевизору.

– По ящику несут всякий вздор. Журналисты! Что они знают, кроме слухов и сплетен?

– А вы, конечно, знаете все.

– Мы знаем. У нас самая точная информация. – Ануфриев оторвался от своих ногтей и глянул на Нину в упор. – Вот что, милая моя. Вам придется согласиться поработать с нами.

– Катя, я не понимаю. – Нина повернулась к молчавшей Кате, поднялась со стула.

– Да сядьте вы. – Ануфриев встал сам. – По ряду причин мы остановили выбор на вас. Ваша кандидатура обсуждалась не только в этом кабинете. – Он презрительно скользнул взглядом по стенам. – Слушать ваш лепет у меня нет больше ни желания, ни времени. Вам придется согласиться помочь нам.

– Почему вы разговариваете с ней в таком тоне? – спросил Колосов, вставая.

– Потому что я не привык, повторяю, попусту тратить свое рабочее время. Может быть, в вашей организации так принято – не знаю. Меня же учили другому. Вы согласитесь. – Ануфриев наклонился к Нине: – И знаете почему? Вы ведь хлопчете о предоставлении вашим тбилисским родственникам российского гражданства?

– Откуда вы знаете? – спросила Нина.

– Я же сказал: мы навели справки. Всесторонние. Я понимаю ваше горячее желание перевести вашу родню сюда, в Москву. После этой вашей «революции роз», – он усмехнулся, – интеллигенция, устав болтать на митингах, начала думать, как и чем жить дальше. И правильно, что начала думать. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и прости грехи наши, как и мы... Одним словом, смена местожительства – хорошее дело, верное. Но получение гражданства, переезд из Тбилиси в Москву – процедура сложная, может затянуться на годы. А ваши родственники – люди пожилые. Как говорится, и целой жизни мало... И племянница ваша – эта балерина. По-моему, очень талантливая девушка. Ей тоже, конечно, надо жить и танцевать здесь... Ну а в Грузии что? Есть там вообще балет? Или только ансамбль народного танца имени лезгинки? Приедет она с каникул, а тут вдруг проблема с визами. Визы – такое дело, знаете ли... Значит, прощай училище, прощай мечта. Ну а с другой стороны, никаких проблем может и не возникнуть. И вопрос предоставления гражданства в порядке исключения тоже можно решить в ускоренном порядке. Так что, Нина Георгиевна, уважаемая, выбор за вами. Я так думаю, вы подумаете... минут пять-шесть, – он положил Нине руку на плечо, – и сделаете правильный выбор. Тем более ничего такого brutального вам делать не придется – просто жить в одной милой семье и сообщать нам совершенно безобидную информацию.

– Я думала, такие методы давно в прошлом, – сказала Нина, освобождаясь от его руки.

– Ой, что такое прошлое? Это еще один миф. Так мы с вами договорились?

Нина молчала.

– Мы договорились. – Ануфриев значительно, победно глянул на угрюмого Колосова – учись, мол, губерния. – Ну а детали вам изложат мои коллеги. Я ненадолго вас покину. – Он выскользнул из кабинета. Тон у него был такой, словно он послал Нине невидимый воздушный поцелуй.

Катя молчала. Молчал и Колосов.

– Они так обеспокоены судьбой этой семьи, потому что этот генерал Абаканов когда-то, сто лет назад, возглавлял ихнее НКВД? – спросила Нина. – Неужели прошлогодний снег – это все еще тайна? Неужели прошлое и правда – миф?

– Нина, когда-то, сто лет назад, «ихнее НКВД» было и нашим тоже. Я вам скажу, почему я и вот Катя, – Колосов искоса глянул на Катю, – почему мы обеспокоены судьбой этой семьи. Вот взгляните, и вот, вот еще снимок, – на этот раз он не ограничился компьютерными файлами, а выложил перед Ниной на стол толстую пачку цифровых фотографий с места происшествия.

Нина невольно отшатнулась, охнула.

– Вы хороший человек, Нина. Вы женщина, вы мать. – Колосов подбирал слова. – Тогда, в Май-Горе, вы старались нам помочь. Я не забыл это дело. И я вас прошу, Нина. Другого такого подходящего человека мы скоро не найдем. Это займет неделю, может, даже две. А за это время черт знает что еще может случиться.

– Ты боишься, что это убийство не последнее? – спросила Катя.

– Я бояться права не имею. Но я знаю одно: это дело очень серьезное. И очень непростое. Иначе эта наша «ошибка резидента», – Колосов кивнул на дверь, – такую бурную активность тут бы не развивала.

– Но ведь еще ничего не известно. У вас и версий каких-то вразумительных, кроме версии дорожного нападения, нет.

– Чтобы появились версии, нужен хоть какой-то объем информации. – Колосов посмотрел на Нину. – Ну что, я могу на вас рассчитывать? На вас обеих в этом деле? Или мне пробивать эту стену одному?

– Один вы поранитесь в кровь. – Нина вздохнула, вернула ему снимки. – А как все это будет организовано? Как я туда к ним заявлюсь?

– Вас порекомендуют как специалиста. Рекомендации будут отличные. А это такие люди, что привыкли все делать через знакомых. Они вам сами позвонят. Думаю, что это будет Константин Абаканов – старший брат убитой Евдокии. Сейчас он фактически глава семьи. С ним вы и договоритесь об условиях, о гонораре. Нет, нет, Нина, тут все должно быть по-настоящему, достоверно. Так что не стесняйтесь, не тушуйтесь. Проявите характер, ну и смекалку тоже. У него и у остальных членов семьи не должно возникнуть и тени подозрений. Никто не должен догадываться, кто вы на самом деле.

Глава 9

КОНСТАНТИН В «ПАНОРАМЕ»

Константин Абаканов-Судаков сидел за столиком ресторана «Панорама», что под самой крышей отеля «Золотое Кольцо». Он только-только закончил обедать, ждал кофе, десерт и коньяк, смотрел на город за окном, расстилавшийся до самого горизонта. Жизнь снова вроде бы входила в привычное полноводное русло. Только вот от жизни этой словно отсекали что-то напрочь острым мечом, и как, чем восполнить эту потерю, было не ясно. И некого было спросить об этом.

Константин сидел за столиком один. Со стороны он выглядел вполне респектабельно, что было немаловажно для этого солидного дорогого ресторана, посещаемого в основном иностранцами. Вполне приличный преуспевающий молодой мужчина, хорошо одетый, гладко выбритый, розовощекий. Хоть и упитанный, пожалуй, сверх меры, однако пока еще не обрюзгший.

Ждал он не только десерт и кофе, но еще и Марью Антоновну Сквознякову – известнейшую в столичных и региональных кругах бизнес-леди, с которой много лет вел дела его покойный отец Константин Ираклиевич и с которой приходилось налаживать контакты теперь ему самому. Марья Антоновна по обыкновению опаздывала, заставляя себя ждать. Но вот наконец она появилась в зале ресторана. Метрдотель почтительно подвел ее к столику, заказанному Абакановым.

Марья Антоновна была полной представительной дамой пятидесяти трех лет. Выглядела она, несмотря на две пластические операции и ежедневное посещение косметического салона, точно на свой возраст. Волосы у нее были не ахти какие смолоду, и поэтому она носила роскошный французский парик «а-ля Элтон Джон и Алла Пугачева», выкрашенный в платиновый звездно-голливудский колер. Одевалась она всегда в самых дорогих бутиках, но, увы, на полной ее фигуре (сто двадцать кило чистого веса) даже произведения от «Прада» сидели отнюдь не сногшибательно. На этот раз на ней был брючный костюм – настолько весь в пестрых леопардовых принтах, что вам начинало казаться, что это и не женщина вовсе, а толстая раскормленная пантера из зоопарка, учуявшая аппетитный аромат фуа-гра и заскочившая в этот подкупольный панорамный ресторан на огонек. Аксессуаром к туалету служил портфель из кожи аллигатора, который Марья Антоновна крепко сжимала пухлой маленькой ручкой, униженной перстнями.

– Немцы меня задержали, целая делегация приехала. Такие безобразники, такие дотошные. А ты мне что-то уже заказал, Костя? О, да ты уж пообедал, успел. – Она уселась напротив Абаканова. – Давно ждешь?

Марья Антоновна была женщиной богатой. Но обожала быть приглашенной к уже накрытому столу, особенно если приглашение исходило от мужчины. Константин подозвал официанта. Марья Антоновна сделала по меню свой выбор. Когда официант отошел, она энергично, по-мужски закурила ментоловую сигарету и хлопнула ладонью по портфелю из аллигатора.

– Вот и факс из Красноярска, Костя, – пробасила она, – давно мы его ждали. Хочешь не хочешь, придется завтра лететь. Я уже и билет секретарю велела забронировать. Принципиальное согласие правления нашего банка на ведение переговоров получено. Так что, думаю, Костя, новости не за горами.

Константин молча ждал, не смея спросить, перебить. Марью Антоновну он знал давно – с ранней юности. Она была давним партнером его отца. В прошлом они не раз и отдыхали вместе, встречаясь то на альпийских горных курортах, то в Париже, то на Женевском озере. Константин знал и о том, что некогда (правда, очень давно) отца и Марью Антоновну связывали

и гораздо более тесные, близкие узы. Она и сама этого не скрывала, называя порой Константина «сыном». Но он знал и другое: после столь неожиданной для всех кончины его отца именно Марья Антоновна стала в глазах многих той опорой, тем плечом, на которое он мог бы хотя бы на первое время опереться, не опасаясь того, что эта подпорка рухнет.

Банк «Стабильность и перспектива», вот уже несколько лет бессменно возглавляемый Марьей Антоновной Сквозняковой, осуществлял кредитование и инвестирование горно-обогатительного комбината в Анжеро-Судженске – того самого комбината, контрольный пакет акций которого принадлежал сначала покойному Константину Ираклиевичу, а теперь – после его смерти – всей их семье.

– Красноярский консорциум проявляет большой интерес. Они даже этого не скрывают, – сказала Марья Антоновна, – да и немцы тоже. Ох уж эти немцы... Теперь, видно, никуда без них. Ну, что же, слетаю, погляжу, послушаю их предложения. Первые переговоры всегда трудны, но нам не привыкать. Тебе, Костя, тоже не мешало бы лететь со мной.

– Я знаю, Марья Антоновна, но я сейчас никак не могу. Завтра у нас похороны Дуни. – Константин почувствовал, что голос его подвел – сорвался. Он всегда мечтал иметь мужественный баритон с вальяжной хрипотцой – абакановский «фирменный» голос, как у отца и как, судя по рассказам помнивших, у деда Ираклия. Но природа наградила его мальчишеским тенорком с фистулой, что совершенно не шло к его начинавшей все сильнее полнеть, раздаваться виришь фигуре.

– Недолго она пожила на свете, бедная. Что творится, а? В какое безумно жестокое время мы живем. – Марья Антоновна покачала пышной платиновой головой. – Я сроду с охраной не ездила, только вон и есть у меня, что Василий – шофер. А после этого случая, веришь, задумалась, не нанять ли и мне какого-нибудь бугая-телохранителя. Так ведь это не спасет, если что. Они, подлецы, ведь сначала о своей шкуре пекутся. Известий из милиции нет?

– Нет. Меня вызывали, потом они в Калмыково к нам приезжали. – Абаканов увидел, что официант несет заказанного Марьей Антоновной омара-фламбе. – У меня, признаюсь вам, просто почва из-под ног выбита всем этим. Ни о чем думать не могу. Все время Дуню перед собой вижу – вот так.

– Понятно, родная кровь. – Марья Антоновна снова кивнула. – И все же, сынок, соберись с мыслями, послушай меня. Из Красноярска, чем бы эти переговоры ни кончились, мы все равно обязательно слетаем на комбинат. Что там будет – сам знаешь.

– Собрание акционеров, внеочередное. Меня уже известили.

– И что будет там, на нем, тоже догадаться нетрудно. Сам понимаешь, куда контрольный пакет акций был в одних руках, да еще такого человека, как отец твой, один был разговор. Теперь же... Да, как рано, как нежданно-негаданно Константин ушел из жизни. Такого отца, как твой, Костя, поискать еще. Много у нас чего с ним было за целую-то жизнь и хорошего, и не очень, но главное скажу тебе – дело он умел делать. Умел! И других заставлял. Осиротели мы без него. Вот и на собрании этом акционеров... Естественно, Костя, там не одобряют идеи, чтобы контрольный пакет акций был раздроблен, рассредоточен.

– Но все же по-прежнему останется в нашей семье, Марья Антоновна.

– А семья ваша какая? – Она с хрустом разломилась мельхиоровыми щипчиками клешню омара. – Что есть такое ваша семья, Костя, можешь мне сказать? Молчишь, не можешь. Отец твой, конечно, в делах фору бы всем нам дал, а вот в личной своей жизни путаник был еще тот. Сколько раз я ему говорила – уймись. Не унимался. Юбки его просто с ума сводили, справиться с собой не мог, что ли? Ни одной ведь не пропускал. Ни одной! Ну ладно – жены, но ведь, кроме жен-то, еще... Эта, которая экономкой-то у вас была, домработницей... Варька-то, Варвара... так и живет у вас по-прежнему?

– Живет.

– На твоём месте я бы её вон в двадцать четыре часа, интриганку.

– Я не могу, Марья Антоновна. Отец так хотел.

– Не можешь. Конечно, ты не можешь... Ах, сынок. – Марья Антоновна усмехнулась печально. – Если бы только знать вперед, каким боком жизнь повернется. И надо ли вообще столько жен, столько мужей, столько детей... Не лишнее ли это? Ну что же, скажу тебе одно: что бы ни решило собрание акционеров, я целиком на твоей стороне. Получается пока, что и на стороне интересов вашей семьи. Обязательства свои наш банк выполнит. Ну, дальше, на перспективу, учитывая интерес красноярского консорциума и открывающиеся возможности... Надо вести дела так, чтобы контрольный пакет акций избежал дробления по этому вашему столь непродуманному завещанию и по-прежнему оставался бы в одних руках.

– Чьих? – спросил Константин.

– Твоих, других кандидатур у меня нет. – Марья Антоновна проглотила шарик икры. – Вкусно тут готовят. Очень вкусно.

– Когда назад вас ждать?

– Думаю, дня три на все мне потребуется. Ну и ты с похоронами справишься. Что ты на часы поглядываешь? Торопишься куда-то?

– Нет, что вы, Марья Антоновна. Просто я должен на обратном пути захватить домой врача. Врача мы решили для Левы пригласить. Пугает он нас просто.

– Не оправился еще?

– Нет, что-то с ним творится. – Константин вздохнул. – Даже не знаю, что делать. Теперь вроде получается, он – мой сын. Я решил врача хорошего детского пригласить, мне порекомендовали внучку академика Картвели, вроде бы она дельный специалист по детской психике.

– Правильно. – Марья Антоновна с треском сокрушила щипчиками красный панцирь омара. – Правильно решил. Пусть врач его понаблюдает. Теперь даже эти вопросы на тебе. А своего-то когда ждете?

– Еще только седьмой месяц. – Константин покраснел. Краснел (и это было его большой проблемой) он часто, пламенно, как мальчишка. Неожиданно, предательски, по разным поводам – например, когда речь заходила о беременности его жены. – Жека со всеми нашими бедами что-то чувствует себя неважно. Боюсь, как бы на ребенке это не отразилось.

– Ничего, выдержит твоя Жека. Свози ее в Куршавель на недельку, в Баден-Баден. Славная она у тебя. Сестра Дуня тоже славной была, только уж больно шепутной. Все жить торопилась. И все по-своему, по-своему. Мужа себе какого-то нашла непонятного, совершенно не из нашего круга... Ну, мало ли, что он известен. И какая же это известность? Кто сейчас в эти шахматы играет, где, кроме как у Илюмжинова? Хоть развестись догадалась вовремя. За сына вон потом как воевала... Слушай, а что по этому поводу милиция говорит? Ну, насчет всего этого... насчет убийства ее?

– Говорят, что подозревают дорожное нападение. Что кто-то хотел завладеть ее машиной.

– Люди пошли – зверье, ворье. – Марья Антоновна стукнула щипчиками по крахмальной скатерти. – Не то что за машину, за десятку зарежут, скоты. Слушай, Костя, я вот что подумала... ну, по поводу этой Дуниной войны с мужем за Леву. Константин мне еще когда говорил, что он, муж, вроде бы хочет забрать у нее мальчика насовсем.

– Когда он вам это говорил?

– Да вот как виделись мы с ним в последний раз, примерно за неделю до смерти его. Сильно он чем-то был встревожен, озабочен.

– Встревожен?

– Да, я еще успокаивала его, спрашивала, когда отдыхать думает ехать, куда. Он только грустно так улыбнулся, а в глазах – тревога.

– А про Волгоград отец вам ничего не говорил? – спросил Константин.

– Про Волгоград? Нет. А что там – в Волгограде?

– Нет, ничего, я просто подумал... Он ведь с вами по всем вопросам советовался.

– Да по каким вопросам-то? – Марья Антоновна пристально посмотрела на него через стол. – Я про мужа сестры твоей говорила. А ты про что?

Константин молчал.

– Он что говорит-то хоть? – спросила Марья Антоновна.

– Кто? – Константин словно очнулся.

– Да муж ее бывший.

– Я с ним еще не виделся, не разговаривал.

– Но он хоть знает, что произошло?

– Знает, ему сразу, как и нам, стало известно, Зоя сообщила. Они с Дуней через нее вроде бы в последнее время отношения поддерживали. Я во все это не вникал.

– А надо было вникать. Да, дела семейные... Но жизнь, Костя, как река, дальше течет.

– Конечно, Марья Антоновна.

– Чрезвычайно вкусно. – Она «выпила» устрицу из ее раковины, промокнула губы салфеткой. – Что я тебе сказать еще хотела? Из Красноярска жди звонка. Ах, еще вот что... Тут у меня поселком вашим, Калмыковым, кое-кто очень интересовался. Солидный человек, очень солидный. Фамилию пока просил не называть. Но ты уж поверь мне.

– А что с Калмыковым?

– Делать-то что с ним станете? Делить ведь будете. Придется – по завещанию. А значит, продавать.

– Я об этом пока не думал.

– Он не думал. Пора подумать, Костя. Придется продавать. Место там у вас золотое – участок, парк какой. Дом, конечно, хибара эта советская, на слом пойдет. Это место достойно лучшего. Так у меня уже о нем справки наводят.

– Я об этом пока еще не думал, – повторил Константин.

– Вся беда, сынок, что ты все, даже этот вот наш белый свет воспринимаешь как данность – отныне, навечно и неизменно. – Марья Антоновна усмехнулась. – Это не твоя вина. Воспитали так тебя. Всех вас так воспитали. И отца твоего. Я вот помню, как году в 88-м – у меня тогда кооператив был всего-то-навсего, дела мы свои только разворачивали – познакомили меня с отцом твоим. В Министерстве внешней торговли он еще тогда работал. И как-то однажды привез он меня туда к вам, в Калмыково. Показалось мне тогда, в восемьдесят восьмом-то году, что где-то на другой планете я, так все было невиданно, круто, шикарно. А теперь ты бы мой дом на Новорижском поглядел... Я дам тебе совет, Костя, взгляды свои на жизнь ты должен срочно менять. И это свое благодущие, мягкотелость... уж и не знаю, как назвать, тоже изжить должен. Иначе трудно тебе будет без отца – в открытой-то воде. И нам с тобой будет трудно. А я хочу, чтобы было легко. Мы ведь партнеры.

– Да, Марья Антоновна, просто я со всеми этими несчастьями... Но я подумаю обязательно.

– Подумай. Сейчас недвижимость в цене. За такой участок в таком месте несколько миллионов можно взять. И семья твоя – сестры, братья – возражать не станет. Все равно под одной крышей вы не уживетесь. Квартиры у вас у всех есть, отец вас обеспечил, успел. Словно чувствовал, что недолго ему осталось. Торопился. – Марья Антоновна вздохнула.

– Я буду иметь в виду. Я понял, – послушно сказал Константин. Он знал, что перечить Марье Антоновне – владелице банка «Стабильность и перспектива» – открыто нецелесообразно. «Контрпродуктивно», как говаривал еще его отец. Это было «мидовское» словечко, затесавшееся в их семейный лексикон еще в те, почти забытые сейчас времена, когда отец служил в Министерстве внешней торговли. Теперь уже Константин часто повторял его про себя.

Официант принес кофе и ликеры. Константин попросил счет и расплатился за себя и за свою гостью.

Глава 10

ПОРТРЕТ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Константин Абаканов должен был забрать Нину от метро «Смоленская» – так было условлено.

– Я думала, еще не скоро, дня через два-три, а он вчера позвонил, – сообщила она Кате по телефону.

– Такие вещи всегда скоро делаются. Тебя же порекомендовали ему, а он, видимо, к рекомендациям прислушивается. – Катя разговаривала с Ниной из кабинета Колосова. – Как твое первое впечатление?

– Вежливый, деловой, немногословный. Здоровьем сына своей покойной сестры вроде бы не на шутку обеспокоен.

– Нина, все время держи нас в курсе. – Никита Колосов взял трубку. – Мы тебе звонить пока не будем, звони сама, и только на Катин номер мобильного. Мне только в крайнем случае и только со своего мобильного. У них в доме на телефоне наверняка определитель, так что не надо, чтобы наши служебные номера там светились. Как мы и договаривались, постарайся как можно скорее сделать так, чтобы и Катя посетила этот дом. Мне важны ее оценки.

Нина ждала Абаканова на троллейбусной остановке. С собой она решила взять минимум вещей. Только самое необходимое. Но все равно набралась целая дорожная сумка. Прихватила и несколько книг по детской психологии, а также по нервным расстройствам, надеясь найти там описание клинического случая, с которым ей предстояло ознакомиться. Чувствовала она себя неуютно.

Дул пронизывающий ледяной ветер. Снег, которого все ждали, так и не выпал. Москва была сухой, промерзшей до звона и пыльной. Давно уже стемнело, но на Смоленской площади было светло, как днем, от ярких витрин и ослепительной рекламы. «Вот всегда хотела посмотреть Бродвей, – думала Нина. – Так чем наше Садовое кольцо хуже?» Возле остановки затормозил спортивный «Мерседес» желтого цвета. Из него вышел полный молодой мужчина в синем пальто нараспашку. Он внимательно оглядел мерзнувших на остановке пассажиров и подошел к Нине.

– Вы Картвели? Я Константин Абаканов, добрый вечер.

– Добрый вечер, я – Нина, – сказала Нина.

– Садитесь в машину. Извините за опоздание. Пробки.

Он усадил Нину на заднее сиденье. Поехали. Нина созерцала его коротко стриженный затылок – три набегающие складки, глубоко врезающиеся в клетчатое кашне от «Барберри». Она отметила, что Абаканов назвал только первую часть своей двойной фамилии, как и при их первом разговоре по телефону. Удивила ее и машина – «Мерседес» цвета желтка. Мужчины, если они только могут позволить себе такое авто, выбирают обычно цвет престижа – черный или серебристый. А этот выбрал цыплячий.

Дорогой Константин говорил мало. Об убийстве сестры не распространялся. Сказал только: «У нас случилось большое несчастье, и Лева первый испытал его на себе».

– Сколько лет вашему племяннику? – спросила Нина.

– Четыре года.

– Как его самочувствие сейчас?

– Мы вызывали врача, он его осматривал. Сказал, что физически Лева здоров. Но с ним что-то неладно. Он все время молчит, слова от него не добьешься. На нас реагирует странно, будто не узнает никого. Даже есть отказывался, сейчас вроде начал. Большого, к сожалению, я сказать не могу. Я ведь все время вне дома. Домашние вам расскажут.

Это была его самая длинная фраза за весь путь. Миновали МКАД, вот позади остался поворот на Внуково. Внезапно их машину с ревом обогнал мотоциклист. Константин прибавил скорость, и через минуту они поравнялись с мотоциклистом. Нина увидела фигуру мотоциклиста, затянутую в кожу, увенчанную шлемом – черным с красными полосами. Константин глянул на этот шлем, на сам мотоцикл и внезапно тихо сквозь зубы выругался.

Потом началось что-то странное – мотоциклист снова с ревом вырвался вперед, но они мгновенно нагнали его, причем ценой весьма опасного маневра, подрезав идущую впереди «Газель». Игра в догонялки продолжалась до самого поворота на Калмыково. Свернув, Константин резко набрал скорость, снова догнал мотоциклиста и буквально принудил его съехать на обочину и остановиться. Выскочил сам. Нина прильнула к окну: она ничего не понимала.

– Я сколько раз говорил, дрянь, чтобы ты не смела садиться за руль! – крикнул Константин мотоциклисту.

Тот медленно стащил шлем. Светлые мелированные волосы рассыпались по плечам – это была девушка, совсем еще юная, лет шестнадцати.

– Прав у тебя нет, ездить не умеешь. – Константин подошел к ней вплотную. – Разобьешься в лепешку!

– Не смей орать на меня. – Девушка прижала шлем к груди. – Я у тебя разрешения спрашивать не обязана, понял?

– Не обязана? Дрянь! – Он с размау влепил ей звонкую пощечину. – Ах не обязана? Отцу нервы вечно мотала. Но я не он, я тебя мигом выучу, как себя вести!

Нина замерла: она была поражена этой сценой. Она даже и не подозревала, насколько бы сейчас была поражена видом разгневанного Константина Марья Антоновна Сквознякова, всего час назад за столиком ресторана упрекавшая его в мягкотелости и благодушии.

– Кончай рюмить, садись давай. – Константин вырвал у всхлипывавшей от боли и обиды девушки шлем и буквально напаялил ей на голову. – Пошла домой на самой малой скорости, ну!

Мотоцикл тихо тронулся вперед. Константин вернулся за руль, он тяжело дышал.

– Это моя сестра, – буркнул он, видимо, чувствуя, что сцену с затрещиной надо объяснить. – Зовут Ириной. Совсем от рук отбилась, все драйвить лезет, шкуреха!

Мотоцикл тащился еле-еле. Потом протестующе взревел, прибавил газа и был таков.

Этот мотоцикл – уже без его лихого седока – Нина увидела за воротами дома, когда они въехали во двор. Было уже совсем темно. И в этой чернильной темноте выделялись несколько ярких световых пятен – освещенные окна, фонарь над крыльцом и фары «Мерседеса». Ирины Нина не увидела. На ступеньках дома, явно встречая их, стояла полная статная женщина, кутавшаяся в пеструю шерстяную пашмину. На вид ей было лет сорок пять. Лицо ее – спокойное, ухоженное – хранило следы былой красоты. Густые светло-русые волосы были собраны сзади в тугий узел. В ушах поблескивали длинные серьги – явно дорогая бижутерия.

– Здравствуйте, доктор, – приветствовала она Нину. – Ой, какая вы молодая. А я-то думала, привезут нам сюда какую-нибудь профессоршу кислых щей.

– Это Нина Георгиевна, – сухо сказал Константин. – А это вот Варвара Петровна наша. Вы бы, Варвара Петровна, лучше за своей дочерью следили. Я сколько раз повторял: Ирке садиться на мотоцикл запрещаю. Она разобьется. Вам что, мало того, что у нас тут? Еще одной беды хотите?

– Костя, но что я могу, она же меня не слушает. – Варвара Петровна покачала головой. – Ираклий ей тоже сколько твердил: нельзя, нельзя. Я уж просила его, чтобы он, когда мотоцикл тут свой ставит, гараж от нее запирали.

– Устройте доктора, покажите ей ее комнату, – распорядился Константин. – Лева как?

– Спит. Я заглядывала к нему дважды. Спит спокойно. Вас, значит, Нина Георгиевна зовут?

– Я бы хотела сразу увидеть мальчика, если позволите, – сказала Нина.

– Я же говорю: он спит. – В голосе Варвары Петровны прозвучала жесткая недовольная нотка. – Сейчас уже девять, не будить же его. Он потом спать никому не даст. Завтра утром увидите своего пациента. Прошу, проходите в дом.

Константин вернулся к машине.

– А вы разве уезжаете? – спросила его Нина.

– Мне надо поехать к жене. Она у родителей сегодня. Мы приедем позже. – Он нехотя снизошел до объяснений.

«Мерседес» цвета желтка развернулся, освещая фарами ели, выстроившиеся вдоль парковой дорожки.

– Сегодня они уже не приедут. Завтра ведь похороны, – сказала Варвара Петровна. – Из Москвы сначала сюда, потом на кладбище – концы дай бог. Нет, завтра прямо туда поедет – это уж точно со своей-то... Вы, Нина Георгиевна, располагайтесь пока тут, в гостиной. Я наверх поднимусь, взгляну, все ли в вашей комнате приготовлено.

Она оставила Нину в просторном зале внизу, на первом этаже. Со стен пялились чучела зверей. В камине догорали дрова. Нина прошлась по ковру. Толстый ворс глушил шаги. В доме было тихо.

Она окинула взором стены. Как же все-таки вышло, что она очутилась здесь? Кто они – эти Абакановы-Судаковы? Кто эта женщина – Варвара Петровна? Константин назвал Ирину сестрой, а ей сказал «ваша дочь» – как же это понять? И кто, по какой причине убил другую его сестру – там, на дороге, далеко отсюда? Она представила себе лицо Константина – типичный «яппи» из обеспеченной семьи. Сытый, привыкший вкусно есть, не отказывать себе ни в чем, командовать. Эти пухлые розовые щеки, этот складчатый затылок. Лет тридцать всего, а плешь уже просвечивает, отсюда и стрижка короткая. И живот пивной растет. Нет, Константин был ей явно не симпатичен. Грубый, сестру бьет прилюдно.

«И ничего удивительного, – подумала Нина неприязненно. – Он же внук этого Ираклия Абаканова, про которого по всем телеканалам трубят, что он был чудовище».

В камине внезапно что-то громко треснуло, и ярко вспыхнул огонь. Блики его упали на противоположную стену, и Нина увидела на ней портрет. На нем был изображен военный в парадном генеральском мундире сталинской поры: золотые погоны, иконостас орденов на широкой груди. С портрета на Нину глядел в упор очень красивый brunet лет сорока. У него было белое матовое лицо, широкие скулы, упрямый подбородок. В темных глазах с прищуром застыло насмешливо ожидание. Он словно спрашивал: «Ну что, узнаешь меня?» Нина невольно отступила к камину.

– Это мой дед – Ираклий, – услышала она за спиной женский голос.

На пороге гостиной стояла девушка – не Ирина, другая, постарше, лет примерно двадцати четырех.

– Вы тот самый врач, что будет лечить Леву? – спросила она. – Я – Зоя. Лева – мой племянник.

Она пересекла гостиную и встала рядом с Ниной, глядя на портрет. Нина отметила, что на сестру Ирину она мало похожа – темноволосая и темноглазая, невысокая ростом, гибкая, с изящной кудрявой головкой. Движения ее были плавны и одновременно стремительны.

– Он вам... нравится? – спросила она.

Нина почувствовала, словно ее легонько кольнули иголкой – она вся подобралась под этим таким откровенным, таким чувственным мужским взглядом с портрета. Мелькнула мысль: «Хорошо, что он давно умер. Иначе я бы пропала». Почему пропала? С какой такой стати?

– Даже не знаю, что ответить. Я вашего (она сначала хотела сказать «одиозного»)... знаменитого деда представляла совсем другим.

– Монстром, да? Малютой Скуратовым? – Зоя достала из кармана вязаного кардигана зажигалку и зажгла свечи в старинном бронзовом подсвечнике. – А это вот мой прадедушка Судаков.

Она попросту взяла Нину за руку и повела в глубь гостиной, подняв подсвечник. Над кожаным угловым диваном висел другой парадный портрет – и тоже мужчины в генеральском мундире сталинской поры с погонами и орденами. Министр тяжелого и среднего машиностроения Судаков был лысым человеком, с круглой, как шар, головой и простецким лицом крестьянина.

– Вы надолго к нам? – спросила Зоя.

– Это зависит от состояния здоровья мальчика, – ответила Нина, мысленно сравнивая два этих столь непохожих семейных портрета.

– Левик болен, он с ума сошел. – Зоя водрузила подсвечник на место. – Да что же вы стоите? Садитесь. Сумку положите вот сюда. Вы психолог или психиатр?

Нина почувствовала, что не может, не в состоянии лгать ей вот так, в глаза.

– Я работаю с детьми, – сказала она.

– Не подумайте ничего такого. Просто когда тут наши ругались по поводу того, какого врача пригласить, все сошлись на детском психологе. А мое мнение – Левику нужен психиатр, его надо поместить в реабилитационный центр, пока не поздно, пока еще можно что-то сделать. Ну, туда, где лечат детей, переживших нервное потрясение.

– Возможно, это будет нелишнее.

– Зоя, ты уже познакомилась с Ниной Георгиевной? – В гостиную вошла Варвара Петровна. – Идемте со мной, я вас устрою наверху. А ты, Зоя, остаешься или едешь?

– Остаюсь. – Зоя посмотрела на часы. – Поздно уже, завтра вставать рано. У нас тут завтра похороны. Костя говорил вам?

– Да, – ответила Нина. – Он сказал мне по телефону, что мать Левы погибла на его глазах. Это был несчастный случай?

– Дуню убили, – сказала Варвара Петровна. – Мы все еще никак не можем в это поверить... Не можем прийти в себя от этого страшного несчастья. Страшного, страшного! – Она повысила голос, словно стараясь быть услышанной кем-то в этом таком тихом, таком старом, таком большом спящем доме.

Они с Ниной поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж.

– Вот ваша комната, отдыхайте. Завтра я вас сама разбужу. Мы все с утра уедем на кладбище, потом – на поминки. А вы с мальчиком останетесь. Тут придут две женщины убираться. Мы не держим постоянной домработницы, я сама справляюсь. Но два раза в неделю непременно приглашаю помощниц по хозяйству.

– У Левы есть няня? – спросила Нина.

– Сейчас нет.

– Нет? А как же?..

– Няня была, но ушла. Сказала, что не может оставаться здесь. – Варвара Петровна направилась к двери. – Молодая, нервы, видно, сдали. Две смерти одна за другой...

– Две смерти?

– Дуня, бедняжка, а три месяца назад скончался ее отец, хозяин этого дома Константин Ираклиевич – прямо здесь, в своем кабинете, – голос Варвары Петровны звучал глухо.

Она ушла, плотно прикрыв за собой дубовую дверь. Нина оглядела комнату – гостевые апартаменты маленькие, но уютные. И диван, кажется, мягкий. Она зажгла лампу на подоконнике. Достала телефон и послала Кате эсэмэску: «Я на месте, знакомство состоялось».

Все было как-то странно, непривычно. Этот дом. Эта чужая обстановка. Эти люди. Эта шифровка – «Юстас – Алексу». Наконец, эта роль, которую надо было играть ради того, чтобы тбилисские родичи, замученные нуждой, наконец-то зажили по-человечески. Вспомнив о род-

ственников, Нина внезапно вспомнила и другое: покойная бабушка Ольга, сестра деда Тариэла, врач-рентгенолог, проработавшая полвека в ведомственной поликлинике МВД, что на Петровке, однажды рассказывала о том, как в пятидесятом году она делала рентгеновский снимок зуба Лаврентию Берию.

«Он наблюдался в Кремлевской больнице только формально, – рассказывала она. – Они все так делали. Там их больничная карта должна была быть без сучка без задоринки. А лечиться по-серьезному приезжали в поликлиники своих ведомств. Помню, как сейчас, меня срочно вызвал главврач. Он был сильно взволнован. Нас, персонал, буквально построили. А потом я увидела Берию. Его сопровождала целая свита адъютантов. Его провели прямо в мой рентгеновский кабинет. Я так боялась, что едва в обморок не хлопнулась. Он был в штатском, и у него были такие очочки круглые, за ними не видно было глаз, только стеклышки сияли.

А потом через какое-то время к нам в поликлинику, и тоже на срочный рентген, приехал генерал Абаканов, его правая рука. Этот вел себя совсем по-другому. Меня поразило, как он молод для такой должности. Приехал он без свиты, с одним шофером. У него было подозрение на перелом. Видимо, он испытывал сильную боль, но держался хорошо – шутил с нами. Видный такой был мужчина. Я сделала ему рентгеновский снимок плеча. По молодости, по глупости забыла, кто передо мной, и спросила, как он получил травму. Он засмеялся, сказал, что ему не повезло – лошадь сбросила. Он ведь лошадьми увлекался, призы в скачках брал и, кажется, в теннис играл, и борьбой занимался. Диагноз не подтвердился – это был просто вывих. И наш хирург Маргарита Сергеевна вправила ему плечо. А потом у нас по больнице ходили слухи, что Абаканов возил ее в Гагры, у них был роман. Маргарита очень эффектная была женщина, темпераментная. А про него все тогда говорили шепотом и в поликлинике, и в министерстве: он ни одной красивой женщины не пропускал».

Бабушка Ольга... Сколько бы ей было сейчас? Лет восемьдесят пять? Как же давно это было. И прах, наверное, давно уже истлел. Остались только сплетни, легенды. И тот портрет на стене. Портрет...

«Зачем я только сюда приехала? – подумала Нина. – Боюсь, ничего хорошего меня тут не ждет». За стеной что-то стукнуло. Она испуганно выглянула в коридор. Дверь одной из комнат была распахнута настежь. «Если там кто-то из них, спрошу, где ванная». Нина неуверенно направилась к двери. В комнате было темно. Она остановилась на пороге, привыкая, – глаза смутно различили разобранную постель. На постели стоял мальчик – босой, в пижаме. Увидев на пороге Нину, он издал горлом какой-то невообразимый звук – не вскрик, а какой-то нечленораздельный птичий клекот, схватил подушку, выставил ее вперед, словно защищаясь, потом швырнул ее в Нину, а сам спрыгнул с постели на пол и, как ящерица, юркнул под кровать.

Глава 11

ПОСЕЛОК КРАСНЫЙ ПИОНЕР

– Название какое у населенного пункта – Красный Пионер, – хмыкал Ануфриев. – И называли же люди. Откуда только что бралось? Как будто были в те времена белые пионеры или голубые.

Шла плановая отработка территории, прилегающей к месту убийства. Никита Колосов вместе с сотрудниками своего отдела вот уже вторые сутки сидел в Редниковском отделе милиции, что возле самой железнодорожной станции. Проверяли все Кукушкинское шоссе под гребенку, подряд. В отделе Колосов собрал сначала участковых, затем встретился со сменой ДПС, несшей дежурство на стационарном посту в ту ночь. Расспрашивал о бежевой «Шкоде Октавии», но, увы, та не оставила в памяти постовых никакого следа. Участковые еще больше раздосадовали Колосова. Например, тот, кто обслуживал территорию фешенебельного кантри-клуба, признался честно, что дальше ресепшн в этом шикарном месте нога его не ступала. Информация его касалась лишь обслуживающего персонала – охранников, сторожей, горничных, сантехников, да и то тех, что были из числа местных жителей, своих, кукушкинских. Про клиентов и менеджмент клуба сельский участковый не знал ровным счетом ничего.

Колосову вместе со своими сотрудниками самому пришлось нанести визит в кантри-клуб. С начальником областного отдела убийств тут разговаривали чуть повежливее, чем с участковым. Фото Евдокии Абакановой никто из обслуживающего персонала не опознал: нет, такой клиентки у нас не было. Когда же Колосов попросил список клиентов, останавливавшихся в клубе за последнюю неделю, разговор сразу же обострился и перешел в плоскость конфронтации.

– Мы не можем вас ознакомить со списком. Это коммерческая тайна, – отрезал менеджер.

– Я не финансовую ведомость у вас прошу, а список клиентов.

– К нам приезжают солидные, уважаемые люди. Вы должны понять, некоторые не желают афишировать свой отдых, круг своего неформального общения. Тем более перед органами.

– А что такое? Почему? – искренне удивился Колосов. – Или есть основания быть скрытным, а?

– Я отказываюсь предоставить вам такие сведения. – Менеджер упорно стоял на своем.

Колосов на это сказал, что таких слов, как «отказываюсь», в ведомстве, которое он представляет, не понимают, а если понимают, то делают соответствующие выводы. Справился мимоходом, как часто проверяют кантри-клуб, в том числе и полиция нравов.

– Вот список за неделю. Строго между нами. – Менеджер пошел на попятную при упоминании «полиции нравов». – Вам ведь только этот срок нужен?

Фамилии Абакановой-Судаковой в списке зарегистрированных действительно не оказалось. Колосов переписал фамилии всех постояльцев, не делая исключения даже для семейных пар с детьми. Список получился внушительный – пятьдесят четыре души. Даже в период ноябрьского межсезонья дела клуба шли хорошо. Проверкой людей из списка занялись сотрудники отдела убийств. Местных оперов и участковых Колосов организовал на отработку поселков, прилегавших к Кукушкинскому шоссе, – Железнодорожник и Красный Пионер.

Вскоре он убедился, насколько разными были эти поселки. В Железнодорожнике в старых облупленных бараках и полуразвалившихся хрущевках проживали те, кто когда-то обслуживал дорогу и трудился на местном молокозаводе, канувшем в небытие. Местный участковый характеризовал контингент кратко: «алкаш на алкаше». В Железнодорожнике искони обитало немало судимых, еще больше люмпенов и пьянчуг, сменявших свои московские квартиры «с доплатой» (мгновенно пропитой) на комнаты в перенаселенных коммуналках. Тех, кто вполне

мог с целью грабежа напасть с ножом на женщину в машине, набралось по списку человек девять-двенадцать. В придачу к этому имелись еще двое бывших пациентов психбольницы и один, отбывший срок принудительного лечения в Белых Столбах. Вкупе с VIP-публикой кантри-клуба компания для оперативной проверки подобралась пестрая.

В Красном Пионере дела обстояли совсем иначе. Поселок был дачный, расположенный в густом лесу неподалеку от озера. Кукушкинское шоссе пересекало его пополам. Окраины активно застраивались коттеджами и крутыми особняками. На стройках трудились бригады гастарбайтеров. В глубинке же сохранились старые дачи с большими, поросшими лесом участками.

Колосов проехал на машине весь поселок и не встретил на его улицах ни единой живой души. Жизнь кипела только на стройках. А тут за заборами стояли дома, закрытые, заколоченные до весны. Тем неожиданнее для Колосова был приезд в Красный Пионер Ануфриева. Его в ходе плановой отработки местности откровенно не ждали. Колосов вообще надеялся, что просто скинет ему короткий рапорт по факсу – по факту и, как говорится, арривидерчи. Но Ануфриев приехал лично.

– Как у вас дела? – осведомился он.

Колосов буркнул про себя: «Как сажа бела», но вслух доложил: «Группа работает» – и рассказал ситуацию по клубу и поселку Железнодорожник. Но эти места, казалось, Ануфриева интересовали мало.

– Что с этим Пионером? – спросил он нетерпеливо. – Сколько домов вы уже проверили?

Колосов ответил, что и проверять некого – поселок, по сути, пуст.

– Пуст? Ой ли. Вы бывали в «горячих точках», майор? В Чечне?

– Нет, – ответил Колосов.

– Оно и видно. – Ануфриев усмехнулся. – Неужели мне азбуке вас учить?

– Здесь не зачистка проводится, а нормальная работа с населением. «Опрос» называется. – Колосова взбесило словцо «азбука». – Тут в поселке должен быть сторож.

– Так ищите его. И не разводите антимирию.

Словцо «антимирия» ранило еще глубже. Колосов почувствовал себя быком на арене, которого колют, дразнят, прежде чем ударить так, что небо с овчинку покажется. По поводу участия Ануфриева в работе оперативно-следственной группы он имел еще один долгий разговор с шефом. И ничего радостного для себя не услышал.

Сторож Красного Пионера – пенсионер по фамилии Митрофанов – проживал, как выяснилось, в поселке Железнодорожник. Отыскали его на квартире у «крестного» на улице имени Розы Люксембург. В поселок, что он призван был сторожить небезвозмездно, привезли его сотрудники отдела убийств прямо от стола с поллитрой – привезли размякшим, осоловевшим.

– Вы сторож поселка? – спросил его Колосов, ощущая ядреное самогонное амбре.

– Ну, это... я сторож.

– У вас договор с правлением дачного кооператива?

– Ну, это... есть договор. Был.

– Каковы ваши обязанности?

– Че? Эта... обязанности... ну, чего тут обязывать. Смотреть я должен, чтобы это... порядок был. Чтoб не воровали. По домам не лазили.

– И как насчет порядка? Когда последний раз обход делали? Сегодня делали?

Митрофанов устался на Колосова.

– Это... сегодня нет. Захворал я. Билютню взял.

– А вчера здоровы были? Вчера в поселок приходили?

– Вчера? Это... да! А то как же?

– Вчера кража была совершена в поселке, – сказал Колосов. – Вас с собаками искали, не нашли.

– Чего с собаками-то? Сразу прямо с собаками. Ну, люди! Хворал я вчера. Прямо заболеть нельзя человеку. А у кого чего украли?

Про кражу Колосов просто закинул крючок. Он терял время зря: пьяница-сторож был хреновым свидетелем.

– У кого чего украли-то? – допытывался Митрофанов. – Это не с той ли дачи, куда такси приезжало?

– К какой даче такси приезжало? Когда?

– К номеру семнадцатому по Второй Лесной улице. – Митрофанов силился вспомнить, «когда». – Это... да вроде в среду.

– Вроде или точно? – спросил Колосов.

– В четверг. Был я в поселке, улицы обошел, посмотрел. Все чин-чинарем. Дачники-то съехали последние. Теперь только на Новый год жди. А тут гляжу – такси желтое в ворота семнадцатого номера въезжает. Дачу-то продали. Ну, думаю, хозяева новые.

– И что за хозяева? Вы пассажиров такси видели?

– Один и был пассажир – парень рыжеватый такой, долговязый. А с ним мальчонка.

– Что? Ребенок?

– Пацан маленький совсем, шкет. Сумку из багажника такси этот взрослый выгрузил. Мальчонку на руки взял, и в дом они пошли. А такси уехало. Потом я уж вечером шел – гляжу, окна светятся. Дым из трубы валит. Видно, камин зажгли. Так-то газ у нас в поселке подведен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.